А. Васильевъ

Что такое отечество

Berlin

J. Ladyschnikow Verlag G.m.b.H.

A. Wassiljew. Vom Wesen des Vaterlandes

А. Васильевъ

Что такое отечество

Берлинъ
Изданіе Т-ва И. П. Ладыжникова

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig.

Настоящее произведенiе было написано авторомъ еще лѣтомъ 1905 г. и издано имъ въ извѣстномъ издательствѣ «Донская Рѣчь» въ Ростовѣ на Дону. Въ предисловiи къ этому изданiю авторомъ справедливо было указано, что основнымъ вопросомъ всего общественнаго знанiя слѣдуетъ считать вопросъ: Что такое отечество? Въ виду широкаго народнаго движенiя, охватившаго Россiю въ памятный 1905-ый годъ, этотъ вопросъ, тѣсно связанный съ вопросомъ: какъ жить? требовалъ неотложнаго разрѣшенiя. Желая содѣйствовать ему, авторъ въ краткихъ чертахъ обрисовалъ самые важные этапы общественнаго развитiя отъ самыхъ первобытныхъ до болѣе сложныхъ и совершенныхъ формъ настоящаго времени. Изслѣдуя законы этого развитiя, авторъ показалъ, что только борясь за наиболѣе свободныя формы общественнаго быта, народъ превращаетъ свою родину, бывшую раньше ему мачехой, въ подлинное отечество, а государство изъ хозяина надъ нимъ въ орудiе для завоеванiя болѣе лучшихъ и достойныхъ условiй общественной жизни.

Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, не потеряли и въ настоящее время своей свѣжести и злободневности. Какъ въ 1905 г., русскiй народъ и теперь лихорадочно бьется надъ разрѣшенiемъ вопроса: какъ жить? какъ устроить такой государственный и общественный порядокъ, который удовлетворилъ бы глубокимъ запросамъ истрадав-

шихся подъ игомъ самодержавнаго режима народныхъ массъ?

Пусть и теперь настоящее изслѣдованіе поможетъ читателю разобраться въ этихъ роковыхъ вопросахъ русской дѣйствительности.

Берлинъ, январь 1918 г.

Издательство.

I.

Старый порядокъ.

Великій естествоиспытатель англичанинъ Чарльзъ Дарвинъ, путешествуя въ южной Америкѣ, увидѣлъ однажды таборъ дикарей, живущихъ близъ Магелланова пролива. Видъ этихъ жалкихъ людей, кое-какъ прикрытыхъ звѣриными шкурами, дрожащихъ отъ холода, не знающихъ сегодня, что они будутъ ѣсть завтра, испуганныхъ и жавшихся другъ къ другу, какъ стадо овецъ, произвелъ на него такое сильное и въ то же время отталкивающее впечатлѣніе, что онъ воскликнулъ: «Нѣтъ, лучше имѣть своими родоначальниками обезьянъ, чѣмъ подобныхъ людей».

Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что весь человѣческій родъ былъ первоначально въ положеніи этихъ жалкихъ дикарей Магелланова пролива. Всѣ люди, раньше чѣмъ сдѣлались цивилизованными народами, были дикими племенами, жившими на подобіе звѣрей. Охота или рыбная ловля — вотъ все, чѣмъ они поддерживали свою жизнь. Весь міръ казался имъ населеннымъ духами, большею частью злыми, которыхъ нужно умолять и умилостивлять. Дикарь жилъ въ вѣчномъ страхѣ; его пугали гроза, темнота, сны, которые онъ видѣлъ, все, что происходило въ природѣ и чего онъ не могъ объяснить себѣ. Въ маленькомъ племени, кое-какъ и больше при помощи рукъ, гримасъ и подражательныхъ криковъ, чѣмъ членораздѣльной рѣчи, подобный дикарь сообщалъ своимъ тѣ немногія чув-

ства, которыя вызывались страхомъ, голодомъ, холодомъ или радостью послѣ удачной охоты. Даже огонь добывать не умѣли, и если молнія зажигала случайно дерево, то грѣлись около этого огня, а въ остальное время обходились безъ него, и даже мясо животныхъ и рыбъ ѣли сырымъ.

Семьи въ такомъ племени не было; жены были общія, дѣти считались по материнской линіи, дѣтоубійство было самымъ простымъ и обычнымъ дѣломъ; убивали больше дѣвочекъ, но и мальчики, коли мѣшали, тоже убивались и съѣдались. Когда такое племя встрѣчалось съ другимъ, то, разумѣется, они тотчасъ же нападали другъ на друга; убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ съѣдали, такъ какъ пища добывалась съ трудомъ, а съ плѣнниками и дѣлать было нечего, — это стоило бы себѣ дороже кормить, чѣмъ заставлять работать.

Тысячи лѣтъ проходили, не принося никакихъ измѣненій, и только тамъ, гдѣ люди встрѣчались съ животными, могущими быть прирученными, только тамъ начались значительныя перемѣны въ ихъ быту. Когда люди научились доить коровъ или козъ, охранять стада, тогда ихъ жизнь сдѣлалась немного болѣе обезпеченной. Они стали меньше зависѣть отъ природы, ихъ состояніе увеличилось. Раньше никто ничего не имѣлъ, но съ возникновеніемъ скотоводства у одного могло быть сто головъ скота, у другого только пятьдесятъ, у третьяго десять и т. д. По числу скота было и число женъ; тотъ, кто могъ имѣть много скота, могъ содержать и много женъ; дѣтей начинаютъ считать по отцу. Плѣнниковъ убиваютъ уже не всѣхъ, а часть обращаютъ въ рабство, но число рабовъ невелико, такъ какъ не нужно много. Земля не имѣетъ еще никакой цѣнности; сегодня племя кочуетъ здѣсь, а съѣлъ скотъ траву, переходитъ на другое мѣсто; по прежнему всѣ другія племена

считаются врагами, и какъ только сходятся вмѣстѣ, дерутся и убиваютъ другъ друга.

Еще болѣе измѣняется состояніе людей, когда они научаются кое-какъ обрабатывать землю. Съ переходомъ къ земледѣлію впервые появляется и достигаетъ громадныхъ размѣровъ рабство. Плѣнниковъ уже не убиваютъ, а превращаютъ въ рабочую силу; они уже приносятъ выгоду, такъ какъ могутъ производить больше продуктовъ, чѣмъ они потребляютъ. Тотъ, кто владѣетъ скотомъ, землей и рабами, — становится господиномъ. Если вначалѣ рабы набираются изъ военноплѣнныхъ, то съ теченіемъ времени въ рабское состояніе можетъ попасть и бывшій свободный человѣкъ своего собственнаго племени. Кто обѣднѣлъ или разорился, тому уже приходится работать на другихъ, а такъ какъ, обычно, вся подобная работа лежала на рабахъ, то и ему приходится становится рабомъ, кабальнымъ человѣкомъ. Земля порабощаетъ людей; среди нихъ появляются вмѣстѣ съ земледѣліемъ не только свободные и рабы, но и бѣдные и богатые, знатные и подлые. Впрочемъ, въ старыя времена между бѣднымъ и подлымъ разницы не было; кто былъ бѣденъ, тотъ былъ и подлъ въ глазахъ знатныхъ и богатыхъ. Вмѣстѣ съ земледѣліемъ и человѣкъ сдѣлался вещью, которую выгодно или покупать, или продавать. Земля получила цѣнность и стала правильно охраняться отъ захвата, какъ внутри государства, отъ тѣхъ, кто ея не имѣлъ, такъ и на границахъ, отъ народовъ чужихъ. Вмѣстѣ съ земледѣліемъ возникаетъ и государство, т. е. такая земля, которая считается принадлежащей только одному народу, управляемому по его собственнымъ законамъ. Всѣ люди, живущіе на этой землѣ, образуютъ особый народъ, и земля, занимаемая имъ, образуетъ территорію государства.

Не слѣдуетъ ни одной минуты забывать, что,

во-первыхъ, отъ временъ варварства, которое пережили всѣ люди до ихъ сложенія въ государственныя единицы, прошли цѣлыя тысячилѣтія. Кромѣ того, необходимо помнить, что государство еще не значитъ отечество. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ земледѣліемъ, какъ мы выяснили, возникаетъ и развивается рабство. Само собою понятно, что рабы хотя и жили въ государствѣ, но никакимъ образомъ не могли считать его своимъ отечествомъ не только потому, что громадная часть изъ нихъ состояла изъ военноплѣнныхъ, принадлежащихъ къ другимъ народностямъ, но и потому прежде всего, что они не имѣли никакихъ правъ. Мы настаиваемъ на этомъ очень важномъ различіи, такъ какъ позднѣе мы увидимъ, къ какимъ выводамъ они обязываютъ насъ. Теперь отмѣтимъ только на примѣрѣ одного изъ самыхъ могущественныхъ государствъ древняго міра, къ чему сводилась такая разница между отечествомъ и государствомъ. Въ древнемъ Римѣ правами гражданскими и тѣмъ болѣе политическими пользовался только римскій гражданинъ, т. е. лицо знатнаго происхожденія, предки котораго были начальниками родовъ. Эти лица и только они одни составляли римскій народъ и для нихъ римское государство было отечествомъ, тогда какъ сотни тысячъ жителей этого государства прямо и открыто не считались гражданами, т. е. не имѣли никакихъ правъ и, конечно, никогда и сами не думали считать римское государство своимъ отечествомъ, хотя бы оно и было ихъ родиной.

Итакъ, запомнимъ, что ни государство, ни даже родина не могутъ называться отечествомъ, и древній Римъ, вопреки своему республиканскому образу правленія, совершенно ясно устанавливаетъ эту разницу по отношенію къ различнымъ классамъ населенія. Это государство, можемъ сказать мы, и погибло именно потому, что громадная часть его

жителей и сама не смотрѣла на него, какъ на отечество, и имъ самимъ не признавалась гражданами. Само собою понятно, что государство, жители котораго не видятъ въ немъ отечества, должно погибнуть немедленно послѣ того, какъ государственная власть, являющаяся по отношенію къ нимъ насиліемъ, потеряетъ силу. Такое государство держится только на грубой силѣ внутренней и внѣшней. Народы, которые живутъ съ нимъ по сосѣдству, оно считаетъ врагами; никакой иной политики, кромѣ политики желѣза и крови, оно не признаетъ; воюетъ оно безпрерывно; война является высшею добродѣтелью, и военноначальники бываютъ и самые богатые, и самые знатные граждане. Только одно ремесло и уважается, только одно и цѣнится — ремесло военное.

Мы сказали, что земледѣліе для человѣчества было равносильно рабству; мы выяснили, почему именно земледѣліе ведетъ къ рабству, и мы могли бы показать, какимъ образомъ римское государство, бывшее исключительно земледѣльческимъ, было, въ то же время, государствомъ рабовладѣльческимъ и военнымъ. Однако, насъ интересуетъ не исторія римскаго государства, а тѣ измѣненія, которыя привели человѣчество къ установленію понятія отечества.

Итакъ, люди дошли до того, что изъ дикихъ и похожихъ на животныхъ созданій, приводившихъ въ ужасъ Дарвина, превратились въ земледѣльцевъ. Много было написано книгъ, посвященныхъ восхваленію земледѣльческаго труда. Правда, писали объ этихъ прелестяхъ господа, пріѣзжавшіе отдохнуть «на лѣто» въ деревню, гдѣ имъ принадлежало все: и земля, на который работали другіе, и скотъ, взрощенный тоже другими, и лѣсъ, и луга, и нивы, на которыхъ безпощадное солнце палило жнецовъ и жницъ или холодные дожди до костей

промачивали работавшихъ; но что солнце или дождь для господина, когда и эти люди принадлежали ему такъ же, какъ домъ или корова? Они были его имуществомъ, онъ продавалъ, покупалъ, дарилъ или мѣнялъ человѣка, мужа, его жену, его дѣтей, — ибо земледѣліе и рабство идутъ всегда вмѣстѣ.

Нужны совсѣмъ иныя условія, о которыхъ мы скажемъ потомъ, чтобы отдѣлить земледѣліе отъ рабства и превратить его, хотя и въ тяжелый, но для многихъ любимый трудъ.

Если страна живетъ только земледѣліемъ, то она бѣдная; въ земледѣльческомъ трудѣ природа играетъ слишкомъ большую роль, и одинъ неурожай можетъ заставить голодать сотни тысячъ и даже милліоны людей. Такія голодовки случались во всѣхъ странахъ, живущихъ только или даже преимущественно земледѣльческимъ трудомъ. До сего дня въ Россіи и Индіи люди голодаютъ такъ же жестоко, какъ въ европейскихъ странахъ голодали 200—300 лѣтъ назадъ.

Кромѣ того, что самое главное, земледѣльческій трудъ былъ повсюду основанъ на рабствѣ. Господинъ, владѣлецъ земли, былъ и владыкой своихъ подданныхъ; жалкіе, полунищіе, полуголодные рабы или крѣпостные были только вещью, только собственностью ихъ господина; даже свободные народы, переходя къ земледѣлію, обращаются въ рабовъ. Война доставляетъ этотъ живой человѣческій товаръ въ изобиліи. Она же поддерживаетъ и жестокость нравовъ и власть сильныхъ. Прежній помѣщикъ былъ прежде всего воинъ; его обогащалъ не только трудъ его рабовъ, но и военный набѣгъ; добыча, захваченная на войнѣ, увеличивала его состояніе, и онъ готовъ былъ воевать постоянно и не только съ другими народами, но и съ своими собственными сосѣдями. Никакой власти надъ помѣщикомъ не было; если его сосѣдъ былъ слабѣе

и бѣднѣе его, то онъ могъ существовать, только признавъ власть болѣе сильнаго и исполняя его приказанія. Были войны, которыя длились не только десятки, а даже сотни лѣтъ и убивали не враговъ, а свой собственный народъ. Такъ шли столѣтія, и человѣчество жило въ нищетѣ, невѣжествѣ, грубыхъ предразсудкахъ и безъ всякаго пониманія взаимныхъ интересовъ и общей цѣли, которую они должны были бы достигать. Если существовало государство, то все еще не было отечества; люди разбивались на маленькія деревенки, и никто не зналъ, что дѣлается за околицей. Дорогъ было мало и онѣ были плохи; города рѣдки и бѣдны; деревенскій людъ жилъ, какъ на островѣ; одежда приготовлялась изъ шерсти своихъ овецъ или изъ волоконъ растеній, посѣянныхъ тутъ же у себя; даже свой кузнецъ приготовлялъ нехитрыя земледѣльческія орудія.

Только съ одной стороны войны были, въ то время, полезны; онѣ знакомили людей другъ съ другомъ, а, главное, онѣ способствовали появленію разныхъ товаровъ и предметовъ, которые развивали вкусъ, такъ какъ ввозились, конечно, только цѣнныя вещи. Война и торговля привели къ возникновенію промышленности, которая совершенно измѣняетъ бытъ людей. Легко понять почему. Во-первыхъ, крестьянинъ, уходя изъ деревни, прежде всего освобождается отъ непосредственной власти помѣщика; въ городѣ онъ сразу становится свободнымъ; у себя въ деревнѣ онъ даже жену не самъ себѣ выбиралъ, а бралъ ту, которую господинъ указывалъ, и съ условіемъ привести ее въ первую ночь въ спальню барина, если она уже раньше въ ней не гащивала. Въ городѣ не то: здѣсь, если работа есть, всякъ самъ себѣ господинъ. Въ городъ шли самые смѣлые, предпріимчивые, тѣ, которымъ деревенская жизнь стала уже не въ моготу. Въ городахъ

они соединялись по ремесламъ, въ цехи, составляли городскія управленія и, какъ только почувствовали свою силу, тотчасъ же вступили въ борьбу съ помѣщиками. Торговля и промышленность прежде всего потребовали свободы человѣка, т. е. хозяину стали нужны рабочія руки въ томъ количествѣ, въ какомъ требовало его производство; помѣщикъ держалъ людей прикрѣпленными къ надѣлу и это было невыгодно городскому хозяину и, конечно, самому ремесленнику. Помѣщикъ, какъ мы сказали, воевалъ не только съ врагами, но и у себя, противъ своихъ; онъ грабилъ на дорогахъ и изобрѣлъ особое право — кулачное. Понятно, что городской торговецъ или промышленникъ, посылавшій свой товаръ и постоянно опасавшійся быть ограбленнымъ, возненавидѣлъ помѣщика. Это не значитъ, что городской хозяинъ былъ самъ по себѣ лучше помѣщика — нисколько; одинъ стоилъ другого, но одного само дѣло заставляло быть свободнѣе и свободолюбивѣе другого. Товаръ нужно возить, а для этого нужно строить дороги; дороги должны охраняться, миръ долженъ царить на нихъ, и городской ремесленникъ и торговецъ становятся самыми горячими сторонниками внутренняго мира.

Раньше каждый помѣщикъ ставилъ на своей землѣ заставы и рогатки и взималъ дань и пошлину съ проходившихъ и проѣзжавшихъ. Это было невыгодно торговцу, стѣсняло его дѣятельность и превращало страну въ цѣлый рядъ отдѣльныхъ государствъ, въ каждомъ изъ которыхъ, что ни деревня, то обычай, что ни городъ, то норовъ. Такой порядокъ нетерпимъ для торговли, онъ нетерпимъ также и для людей.

Началась борьба между помѣщиками и городами, т. е. городскимъ населеніемъ и дворянствомъ; но какъ можно бороться, т. е. во имя чего можно призывать къ борьбѣ своихъ согражданъ? Если

какой-нибудь человѣкъ или нѣсколько людей хотятъ начать общественную борьбу, т. е. такую, въ которой должны принять участіе всѣ или большинство ихъ согражданъ, то этотъ человѣкъ долженъ бороться за то, что одинаково дорого и интересно для всѣхъ.

Если, напримѣръ, для промышленниковъ или купцовъ было выгодно имѣть столько рабочихъ, сколько требовали ихъ дѣла, а потомъ они этихъ рабочихъ опять передавали бы въ руки помѣщиковъ, то сколько-бы они ни говорили о выгодности такого порядка, имъ никто не повѣрилъ бы и никто ихъ не поддержалъ бы въ борьбѣ. Слѣдовательно, чтобы бороться даже и за свои выгоды, нужно умѣть сдѣлать такъ, чтобы выгоды эти совпадали съ интересами большинства людей, съ которыми приходится жить, или чтобы они не противорѣчили интересамъ другихъ. Въ этомъ совпаденіи личныхъ интересовъ съ общественными, въ этомъ умѣніи превратить частную выгоду въ общественную пользу и заключается первое и одно изъ самыхъ главныхъ основаній, самая высокая цѣль и оправданіе совмѣстной жизни многихъ милліоновъ людей.

Мы видѣли, что дикари не знаютъ и не имѣютъ понятія объ общественной выгодѣ или пользѣ. Ихъ совмѣстная жизнь объясняется не цѣлью, которую они преслѣдуютъ, а суровою необходимостью. Разумѣется, что всѣ человѣческія общества образуются и живутъ по необходимости, но въ дикомъ обществѣ этою необходимостью все и ограничивается, тогда какъ въ обществѣ людей цивилизованныхъ необходимость есть только основаніе, а на немъ люди строятъ свое и общественное счастье.

Пояснимъ на примѣрѣ разницу между необходимостью жить вмѣстѣ и соединеніемъ въ свободное общество людей, преслѣдующихъ общую пользу. Из-

вѣстно, что арестанты или каторжники должны жить вмѣстѣ; послѣднихъ даже нерѣдко сковываютъ общею цѣпью, — но всякому ясно, какой ужасъ и какое отвращеніе должна возбуждать подобная общая жизнь, основанная на одной необходимости. Здѣсь, у каторжниковъ, ничто не заставляетъ ихъ соединяться вмѣстѣ кромѣ необходимости, кромѣ принужденія — и благодаря этому, ихъ жизнь становится невозможною и омерзительною. Пойдемъ дальше; возьмемъ даже и не каторжниковъ, а просто обыкновенныхъ людей; запремъ ихъ въ казармы, будемъ ихъ кормить и одѣвать, но скроемъ отъ нихъ цѣль, ради которой ихъ заперли въ казармы; скроемъ отъ нихъ срокъ, на который ихъ заперли, и мы увидимъ, что эти люди или сойдутъ съ ума, или начнутъ умирать, или взбунтуются, а если мы скажемъ имъ срокъ, на который ихъ заперли, то они и днемъ и ночью будутъ считать часы и минуты, которые имъ придется провести вмѣстѣ въ ненавистныхъ для нихъ казармахъ. Вотъ что значитъ для людей только одна голая необходимость и одно принужденіе.

Возьмемъ теперь другой примѣръ. Тысячи людей собираются вмѣстѣ и говорятъ: земли у насъ мало, а впереди есть свободныя земли, но покрытыя болотами; если осушить ихъ, то не только мы, но и потомки наши будутъ жить спокойно и счастливо. По одиночкѣ намъ болотъ не осушить, — вмѣстѣ мы эту работу кончимъ съ успѣхомъ, — и они рѣшаютъ ее выполнить. И вотъ люди, даже работая тяжелую и грязную работу, стоя, быть можетъ, по колѣна въ водѣ, — будутъ такъ одушевлены, такъ усердны на этой общей для нихъ работѣ, что самый трудъ покажется легкимъ. Общая цѣль, сознаніе, что каждый работаетъ для всѣхъ и всѣ для каждаго, превратятъ совмѣстную жизнь въ средство достиженія общаго блага и счастья всѣхъ.

На этихъ простыхъ примѣрахъ ясно видно, каково значенiе правильно понятаго общественнаго интереса.

Когда подъ влiянiемъ торговли и промышленности прежняя рабская и нищенская жизнь сдѣлалась ненавистною, нетерпимою и невыносимою, люди, обладающiе наиболѣе смѣлымъ умомъ, спросили у себя и другихъ: «Да для чего же мы живемъ вмѣстѣ? Какая цѣль преслѣдуется нами? Какими средствами мы хотимъ и можемъ достигнуть цѣли, если эта цѣль существуетъ?»

Никакого другого отвѣта на первый изъ вопросовъ, т. е. для чего люди живутъ вмѣстѣ, кромѣ того, что они дѣлаютъ это для достиженiя личнаго счастья и счастья всѣхъ, — быть не можетъ.

Какъ мы говорили, промышленникъ или купецъ не можетъ требовать чего-либо для себя исключительно, — онъ долженъ этого требовать во имя общаго интереса, такъ какъ и торговля и промышленность существуютъ только для общей пользы всѣхъ людей.

Раньше помѣщику и въ голову не приходила мысль, — почему онъ помѣщикъ и почему крестьяне его собственность и должны работать на него. Онъ разсматривалъ существующiя отношенiя, какъ естественныя, установленныя природой и Богомъ.

Необходимо помнить, что каковы бы ни были отношенiя между людьми, они не создаются волею одного человѣка, не выдумываются, но складываются подъ влiянiемъ нужды, необходимости добывать пищу и защищаться отъ внѣшнихъ враговъ. Мы знаемъ, что съ переходомъ къ земледѣлiю рабство получило громадное развитiе; помѣщики были одновременно и господа и военачальники, мы говорили, что война была въ тѣ времена постоянною; воевали съ чужими народами и между собой. Главное войско

была конница. Лошадь стоила дорого, оружіе, состоявшее изъ желѣзныхъ или стальныхъ доспѣховъ, тоже; воинами могли быть только или сами богатые люди или тѣ, которымъ они давали лошадей и оружіе.

Воинская повинность не разсматривалась, какъ обязанность всѣхъ гражданъ защищать страну, а была тѣмъ, что называютъ привилегіей[1]) знатныхъ и богатыхъ, т. е. только они одни имѣли исключительное право носить оружіе. Изобрѣтеніе пороха нанесло тяжелый ударъ и конницѣ и дворянамъ; пуля потребовала не коннаго, а пѣхотнаго солдата; разные желѣзные доспѣхи, которые надѣвали, стали ни къ чему не годными, такъ какъ пуля пробивала ихъ. Значитъ, богатые и знатные должны были измѣнить устройство войска; потребовались большія массы пѣхотныхъ солдатъ; тамъ, гдѣ можно было обойтись безъ своихъ крестьянъ, тамъ нанимались за деньги солдаты изъ чужихъ земель, и это наемное войско не знало другихъ господъ, кромѣ тѣхъ, которые имъ платили. Понятно, что такое войско очень часто было страшнѣе для народа, чѣмъ для его враговъ. Однако, это измѣненіе въ воинскомъ дѣлѣ сдѣлало помѣщиковъ еще болѣе не нужными, а ихъ власть еще болѣе ненавистною. Города, въ которыхъ успѣло образоваться свое войско, дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе. При прежнемъ устройствѣ всякій народъ былъ врагъ; нападая на него, побѣдитель грабилъ, жегъ, убивалъ, уводилъ въ плѣнъ и захватывалъ землю; никакихъ отношеній или сношеній съ населеніемъ у него не было, кромѣ отношенія господина къ рабу. Не то купецъ или промышленникъ; для него грабежъ часто невыгоденъ и убійство без-

[1]) Исключительное право, установленное въ пользу или одного лица, или ограниченнаго числа лицъ, принадлежащихъ къ знатнымъ и именитымъ классамъ.

полезно; онъ стремится къ обмѣну; ему нуженъ порядокъ и миръ; иностранный купецъ для него гость; онъ его потчуетъ, его чтитъ, входитъ съ нимъ въ сдѣлки, завязываетъ сношенія, основанныя на интересѣ — и этотъ интересъ не можетъ быть одностороннимъ, т. е. направленнымъ къ исключительной выгодѣ одного лица; онъ долженъ быть двустороннимъ, т. е. такимъ, который былъ бы выгоденъ обоимъ лицамъ, вступающимъ въ сдѣлку.

Вся торговля и промышленность основаны на подобномъ интересѣ, на порядкѣ и мирѣ внутри страны и на дружественныхъ отношеніяхъ съ сосѣдними народами, если эти народы не мѣшаютъ сбыту товаровъ или настолько сильны, что война съ ними привела бы къ остановкѣ торговли и промышленности.

Старый порядокъ, основанный, какъ мы знаемъ, на силѣ и насиліи, не признававшій никакихъ интересовъ, кромѣ помѣщичьихъ, — не могъ не вступить въ борьбу съ новымъ. Какъ ни поучительно слѣдить за разными событіями этой борьбы, мы, однако, теперь этого дѣлать не можемъ; намъ было важно показать, какимъ образомъ люди изъ дикихъ превращались въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ въ людей цивилизованныхъ. Передъ тѣмъ, какъ перейти къ новому порядку, они дошли до ненависти къ старому. Благодаря изобрѣтенію книгопечатанія, пороха, компаса, который открылъ новыя земли, позволяя переплывать моря, — накопилось знаніе и богатство. Лучшіе и наиболѣе образованные люди поставили вопросъ: какъ жить, чтобы всѣ могли достигнуть счастья? какъ устроить совмѣстную жизнь такъ, чтобы всякій, добиваясь своей выгоды, помогалъ бы и другимъ добиваться ихъ собственной? какъ замѣнить нужду и необходимость свободой и разумомъ? Какъ вмѣсто насилія и силы

поставить обязанность и право? Какъ обязанность и право превратить въ справедливость?

Старый порядокъ совсѣмъ не зналъ этихъ вопросовъ; для него не было людей вообще, а были господа и рабы; онъ не признавалъ общества, а зналъ только соединеніе людей въ силой связанныя общины, подчиненныя волѣ господъ; а господа, побѣжденные королями, признали ихъ волю съ тѣмъ, чтобы короли оставили имъ власть надъ простымъ рабочимъ и крестьянскимъ народомъ. Никто не думалъ о томъ, зачѣмъ люди живутъ вмѣстѣ, зачѣмъ существуетъ правительство и управляемые. Если кто-либо задумывался надъ этими вопросами и если онъ осмѣливался думать, что надо бы было измѣнить кое-что, то такого человѣка обвиняли въ измѣнѣ, пытали страшными пытками и затѣмъ казнили или гноили въ тюрьмахъ. Никакой свободы не было ни въ чемъ; нельзя было ни говорить, ни писать то, что человѣкъ думалъ; нельзя было ни собираться вмѣстѣ, ни вѣрить такъ, какъ велѣла совѣсть; вездѣ были знатные, которые еще въ люлькахъ назначались офицерами, судьями, министрами и т. д. У людей не было даже отечества, а про государство французскій король Людовикъ XIV-ый сказалъ: «Государство это я», и всѣ другіе короли повторяли то же самое, а знатные люди мирились со всѣмъ при условіи, чтобы была дана и имъ доля участія въ радостяхъ жизни, основанныхъ на горѣ и несчастіи всего народа. Вотъ въ чемъ заключался старый порядокъ у всѣхъ народовъ, на всемъ земномъ шарѣ.

II.

Новый порядокъ.

Мы уже говорили, что при господствѣ стараго порядка люди жили вмѣстѣ, совершенно не думая о томъ, почему они это дѣлаютъ. Пер-

вою задачей новаго порядка было поставить вопросъ: для чего люди соединяются въ общество? Стоитъ только поставить подобный вопросъ, чтобы на него могъ отвѣтить всякій. Дѣйствительно, никто не можетъ сказать, чтобы люди соединялись вмѣстѣ для причиненія одни другимъ горя или страданія. Какъ-бы не думалъ человѣкъ, но на этотъ вопросъ онъ не можетъ отвѣтить иначе, какъ сказавъ, что вмѣстѣ люди соединяются съ цѣлью облегчить другъ другу существованіе и совмѣстными усиліями добиться возможно большаго счастья. Но если люди живутъ вмѣстѣ, а изъ тысячи людей счастливы только сто, то остальные девятьсотъ въ правѣ считать для себя такое общество невыгоднымъ, а потому они будутъ стараться или разрушить его, или устроить такъ, чтобы это общество обезпечивало бы и ихъ интересы. Такимъ образомъ, всякое общество должно обезпечивать не только личное счастье отдѣльныхъ его членовъ, а всѣхъ и каждаго или всеобщее счастье. Вотъ въ чемъ состоитъ первое и основное условіе всякаго человѣческаго общества.

Если бы человѣческое общество не ставило бы цѣлью своего существованія именно это условіе, то мы вернулись бы къ старому порядку.

Но выше мы говорили, что новое общество желаетъ жить согласно разуму, а разумъ требуетъ, чтобы во всѣхъ поступкахъ человѣкъ преслѣдовалъ бы опредѣленную цѣль, которую или онъ самъ долженъ себѣ поставить, или принять ее отъ другихъ послѣ того, какъ онъ найдетъ ее разумною и отвѣчающей его интересамъ.

При старомъ порядкѣ люди знали только одно правило: не разсуждать; новый порядокъ прежде всего требуетъ, чтобы люди разсуждали и обсуждали, такъ какъ иначе они превращаются въ животныхъ.

Если для жизни отдѣльнаго человѣка требуется постоянное разсужденіе и обсужденіе того, что онъ собирается сказать или сдѣлать, то само собою понятно, что для жизни многихъ людей вмѣстѣ, для жизни общественной, эта необходимость разума становится повелительной, и если имъ пренебрегаютъ, то все общество распадается.

Только разсуждая и обсуждая можно придти къ соглашенію и договору, опредѣливъ правильный интересъ договаривающихся лицъ. Даже при устройствѣ частной торговли или промышленной компаніи ея участники соберутся на предварительныя совѣщанія для установленія ихъ частнаго и общаго интереса. Они не начнутъ общаго дѣла, если интересы каждаго изъ нихъ не обезпечены и если каждый изъ нихъ не получитъ ту выгоду, которую онъ хотѣлъ получить, вступая въ компанію. Разъ это основное условіе не будетъ соблюдаться, то компанія не просуществуетъ и одного дня. То, что вѣрно для компаніи нѣсколькихъ лицъ, взятыхъ на выборъ, должно быть вѣрно и для всѣхъ людей. Впрочемъ, едва-ли кому либо придетъ въ голову мысль оспаривать это основное положеніе всякаго человѣческаго общежитія. Частная компанія предполагаетъ свободное соглашеніе между собой ея членовъ, — человѣческое общество всѣхъ людей должно быть построено на такомъ же свободномъ соглашеніи его членовъ. Люди должны столковаться между собою совершенно свободно и заключить общественный договоръ, т. е. связать другъ друга взаимными обязательствами съ цѣлью достичь какъ выгоды и счастья каждаго члена въ отдѣльности, такъ и всего общества, ибо если несчастны члены, то несчастно и общество или если общество несчастно, то несчастны и его члены и весь союзъ долженъ распасться.

Мы сразу видимъ, въ чемъ состоитъ разница

между обществами, которыя существовали при старомъ порядкѣ, и вступающими на ихъ мѣсто новыми соединеніями людей, основанными на началахъ свободнаго соглашенія и разума.

Надъ обществами стараго порядка тяготѣла чужая воля, прибивавшая къ землѣ всѣхъ непокорныхъ; въ нихъ люди не соединялись, а собирались по отдѣльнымъ классамъ волею тѣхъ, въ рукахъ которыхъ была власть. Вмѣстѣ ихъ держали только страхъ и невѣжество, такъ какъ нерѣдко возставшіе рабы, даже побѣдивъ своихъ господъ, не знали, что дѣлать и какъ устроить новое общество. Слѣдовательно, знаніе необходимо прежде всего для тѣхъ, которые мечтаютъ объ измѣненіи общественнаго порядка. Съ переходомъ къ новымъ основамъ совмѣстной жизни людямъ приходится совершенно измѣнить свои понятія и вмѣсто принужденія съ невѣжествомъ имъ приходится обращаться къ свободѣ и разуму. Раньше они были или рабы, или господа, или правители, или управляемые, — теперь имъ нужно превратиться въ гражданъ, т. е. такихъ членовъ свободнаго союза, которые, уничтоживъ навсегда рабство, должны быть правителями и управляемыми или, какъ говорятъ, они должны самоуправляться.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ новомъ обществѣ люди превращаются въ гражданъ — и если насъ спросятъ, что такое гражданинъ, то мы должны отвѣтить такъ: Гражданинъ есть членъ свободнаго политическаго союза, образованнаго для достиженія счастья каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, т. е. всеобщаго счастья.

Разумѣется, что общество людей не можетъ быть счастливо, если его члены и оно само не свободны; слѣдовательно, гражданинъ обладаетъ прежде всего однимъ качествомъ: онъ обязательно свободный человѣкъ. И понятно почему: рабъ,

или лицо, стоящее въ подчиненіи у другого, не можетъ заключать никакого договора, а мы знаемъ, что для образованія новаго общества нужно заключить союзъ, т. е. договориться между собою.

Когда люди заключаютъ союзъ или договоръ, они высказываютъ свою волю, а у несвободнаго человѣка своей воли нѣтъ. Чтобы союзъ былъ проченъ и выгоденъ для всѣхъ, нужно, чтобы каждый заявилъ свою волю, т. е. для заключенія союза и договора между людьми нужна ихъ общая воля.

Изъ этого слѣдуетъ, что новыя общественныя соединенія людей должны покоиться на всеобщей волѣ свободныхъ гражданъ.

Если эта всеобщая воля отсутствуетъ, или граждане не свободны, то никакого новаго общества они устроить не въ силахъ, а возвращаются къ прежнему рабскому состоянію.

Всѣ указанныя условія совершенно необходимы, такъ какъ если выкинуть хоть одно, то мы снова вернемся къ старому порядку, при которомъ люди основывались не на разумѣ и свободѣ. Разумъ же требуетъ, чтобы для образованія союза людей спрашивалась ихъ общая воля и чтобы эта воля была свободна.

Но заключить союзъ — этого еще мало, такъ какъ нужно, чтобы онъ могъ дѣйствовать сообразно своей цѣли; нужно, чтобы онъ былъ такъ устроенъ, чтобы могъ обезпечивать его членамъ исполненіе ихъ всеобщей и свободной воли на началахъ самоуправленія. Изъ этой необходимости вытекаетъ устройство правительства и образа правленія.

III.

О правительствѣ и объ образѣ правленія.

На предыдущихъ страницахъ мы уже нѣсколько разъ обращались къ сравненію союза гражданъ съ

промышленной или торговой компаніей, чтобы уяснить себѣ тотъ или другой вопросъ; обратимся еще разъ къ тому же сравненію съ цѣлью выяснить крайне важный вопросъ объ устройствѣ правительства и объ образѣ правленія въ союзѣ свободныхъ гражданъ.

Возьмемъ для примѣра нѣсколько лицъ, приступающихъ къ устройству торговой или промышленной компаніи. Какъ они будутъ дѣйствовать?

Прежде всего они, разумѣется, опредѣлятъ цѣль, которую будетъ преслѣдовать ихъ компанія, т. е. они скажутъ, что ихъ компанія будетъ заниматься или продажей товаровъ, или производствомъ товаровъ, или, наконецъ, ихъ перевозкой.

Мы знаемъ, что и союзъ гражданъ прежде всего опредѣляетъ цѣль своего существованія и заявляетъ, что она состоитъ въ осуществленіи общаго блага всѣхъ членовъ союза.

Затѣмъ торговая или промышленная компанія опредѣляетъ степень участія своихъ членовъ, т. е. то, что они приносятъ или деньгами, или имуществомъ, или личнымъ трудомъ.

Союзъ гражданъ тоже опредѣляетъ то, что они приносятъ, а именно: ихъ свообдную волю и желаніе способствовать общему благу.

Затѣмъ промышленная или торговая компанія опредѣляетъ мѣсто, гдѣ она будетъ заниматься своими дѣлами.

Граждане тоже опредѣляютъ землю, на которой будетъ дѣйствовать ихъ союзъ.

Наконецъ, промышленная или торговая компанія опредѣляетъ права и обязанности своихъ членовъ и выбираетъ изъ своей среды лицъ, которымъ поручаетъ завѣдываніе общимъ дѣломъ. Эти лица составляютъ правленіе компаніи, а чтобы они знали свои права и обязанности, члены составляютъ уставъ, обязательный для всѣхъ ихъ и точно указы-

вающій порядокъ дѣлопроизводства и отвѣтственность правленія передъ членами.

Гражданамъ при заключеніи ихъ союза приходится дѣйствовать точно такъ же. Они опредѣляютъ права и обязанности своихъ членовъ; они выбираютъ изъ своей среды лицъ, которымъ поручаютъ вести ихъ общее дѣло; эти, выбранныя гражданами, лица и будутъ составлять правительство. Чтобы эти лица знали свои права и обязанности, граждане составляютъ уставъ, который называется конституціей, т. е. уставъ, учреждающій общество гражданъ, указывающій ихъ взаимныя права и обязанности, опредѣляющій порядокъ отвѣтственности правительства передъ гражданами и тѣ основные законы, которые устанавливаютъ общественную власть и ея раздѣленіе.

Если во главѣ общества стоитъ лицо, имѣющее всю власть въ своихъ рукахъ и распоряжающееся гражданами, ихъ имуществомъ и землей, на которой они живутъ по своему произволу, то такое общество есть монархія, и образъ его правленія называется деспотическимъ, т. е. такимъ, при которомъ все зависитъ отъ воли или каприза одного лица.

Если власть подѣлена между гражданами, за которыми признаются нѣкоторыя права, и монархомъ, то образъ правленія называется конституціоннымъ, т. е. такимъ, при которомъ воля монарха ограничена волею гражданъ и онъ не можетъ дѣйствовать безъ ихъ согласія и нарушать основной законъ или конституцію.

Если, наконецъ, вся воля принадлежитъ самимъ гражданамъ, если кромѣ нихъ никто не можетъ управлять общественными дѣлами и если вся власть исходитъ изъ воли и порученія гражданъ, то такой образъ правленія называется республиканскимъ.

Нашимъ читателямъ вполнѣ ясно, что мы, говоря о заключенiи союза между свободными гражданами, имѣли въ виду единственный достойный свободнаго человѣка образъ правленiя — республиканскiй.

Конечно, конституцiонный образъ правленiя лучше деспотическаго, при которомъ честь, благосостоянiе и сама жизнь гражданъ зависятъ отъ усмотрѣнiя одного лица. Это такой образъ правленiя, который настолько вреденъ людямъ, что о немъ не стоитъ и говорить — его нужно просто уничтожить вездѣ, гдѣ онъ еще существуетъ. Но такъ просто нельзя относиться къ конституцiонному образу правленiя, хотя, однако, нужно и къ нему отнестись отрицательно и вотъ почему. Этотъ образъ правленiя есть всегда временный, преходящiй, но постоянно тревожимый борьбой между гражданами и монархомъ. Въ самомъ дѣлѣ, чему обязано происхожденiе подобнаго образа правленiя? Да только тому, что монархъ уже не имѣетъ необходимой силы, чтобы цѣликомъ поработить гражданъ, а граждане еще не имѣютъ той-же силы, чтобы окончательно освободиться отъ воли и произвола монарха.

Этотъ послѣднiй продолжаетъ увѣрять, что онъ получилъ свою власть отъ своихъ предковъ, а его предки отъ Бога; граждане прекрасно знаютъ всю неосновательность подобнаго увѣренiя и естественно стремятся освободиться отъ подобной выше ихъ стоящей воли. Отсюда вытекаетъ безпрерывная и, по существу, совершенно ненужная борьба между монархомъ и народомъ, при чемъ долженъ побѣдить или монархъ, т. е. граждане снова должны быть обращены въ рабовъ, или народъ, т. е. нужно будетъ провозгласить республику.

Конечно, какъ переходъ отъ рабства къ свободѣ, конституцiонная монархiя почти всегда бываетъ неизбѣжной; она имѣетъ и свои выгоды, но

мы въ нашей книгѣ говоримъ объ основныхъ началахъ человѣческихъ обществъ, а такихъ началъ только два: или рабство и монархія, или свобода и республика.

Каково, въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе правительства?

Ясно, что и въ союзѣ гражданъ, точно такъ же, какъ въ промышленной или торговой компаніи, правительство выбирается всѣми членами этого союза. Здѣсь нѣтъ никакой таинственности, никакого недоразумѣнія. Разъ собрались свободные люди, то очевидно, что они не могутъ установить правительства иначе, какъ выбравъ изъ своей собственной среды лицъ, которымъ они довѣряютъ завѣдываніе ихъ общимъ дѣломъ. Въ такомъ обществѣ для всѣхъ ясно, что никто не родится правителемъ или министромъ, а всѣ одинаково рождаются свободными и равными людьми, становящимся полноправными гражданами, когда достигнутъ совершеннолѣтія.

Никакой посторонней власти, кромѣ той, которую на время даютъ граждане выбраннымъ ими лицамъ, въ такомъ обществѣ нѣтъ. Сама эта власть цѣликомъ принадлежитъ гражданамъ и не можетъ быть отдана никому, такъ какъ она неотчуждаема; она присуща только имъ и они лишь передаютъ представительство этой власти своимъ выбраннымъ.

Есть только одно средство уничтожить эту власть — поработить гражданъ, т. е. отнять у нихъ ихъ качество свободныхъ и равныхъ членовъ общественнаго союза.

То, что правительство должно имѣть и имѣетъ власть во всякомъ человѣческомъ обществѣ, нисколько не противорѣчитъ только что указанной нами неотчуждаемости власти, находящейся въ совокупной волѣ всѣхъ гражданъ. Изъ этого слѣдуетъ только то, что правительство не имѣетъ своей

собственной власти, а только ту, которую ему довѣряютъ сами граждане. Понятно, что при такомъ порядкѣ гражданамъ не остается сдѣлать ничего иного, какъ только выбрать своихъ довѣренныхъ лицъ и поручить имъ отправлять власть во имя народа. Для выборовъ народъ долженъ выразить свою общую волю, посредствомъ которой онъ и передаетъ представительство своей власти выбраннымъ.

Такимъ образомъ и прежде всего правительство является представителемъ общей воли гражданъ, давшихъ ему право проявлять власть въ цѣляхъ осуществленія блага и счастья членовъ союза и самого союза.

Дарованіе права представлять власть такъ же мало уничтожаетъ или посягаетъ на источникъ этой власти, т. е. на всеобщую волю гражданъ, какъ мало посягаетъ на нашу единичную волю нашъ довѣренный, которому мы поручаемъ вести дѣла. Мы всегда сохраняемъ наше право прекратить дѣйствіе довѣренности и уничтожить ее; разъ мы это дѣлаемъ, нашъ довѣренный теряетъ всякое право представлять нашу волю, и всякая наша связь съ нимъ прекращается. То же самое происходитъ и съ правительствомъ, представляющимъ волю свободныхъ гражданъ. Оно выходитъ, такъ сказать, рождается по волѣ гражданъ и умираетъ, когда граждане находятъ, что ему больше жить не нужно.

Остается только указать на средства, помощью которыхъ создается правительство. Это средство, какъ уже сказано, состоитъ въ выборахъ; во время выборовъ и должна проявиться та общая воля гражданъ, которая создаетъ правительство. То обстоятельство, въ силу котораго правительство свободнаго народа обязано своимъ происхожденіемъ волѣ гражданъ, выраженной на выборахъ, приводитъ къ тому, что всякое правительство есть временное и дѣйствующее только до тѣхъ поръ, пока оно поль-

зуется или всеобщимъ довѣріемъ, или довѣріемъ большинства гражданъ. Само собою разумѣется, что общая воля слагается изъ отдѣльныхъ воль и, чтобы знать ее, нужно знать, чего хочетъ каждый гражданинъ.

Такимъ образомъ, нужно было бы по каждому вопросу, который требуетъ разрѣшенія, обращаться къ каждому члену общества. Когда въ такомъ обществѣ членовъ было немного, тогда дѣйствительно всѣ граждане собирались на площадяхъ или около общественныхъ зданій, и каждый изъ нихъ подавалъ свой голосъ за или противъ той или другой мѣры. Такой способъ управлять общественными дѣлами есть непосредственное управленіе гражданъ; оно возможно только тогда, когда гражданъ немного и жизнь ихъ проста, такъ что законовъ надо мало и несложныхъ, отвѣчающихъ немногимъ потребностямъ, большей частью, деревенской общины.

Но вѣдь нельзя же за каждымъ вопросомъ безпокоить всѣхъ гражданъ, когда ихъ много милліоновъ? Вотъ въ виду того, что нельзя опрашивать каждаго гражданина отдѣльно, и придумали представительство. Это значитъ, что нѣкоторые граждане обращаются къ другимъ и говорятъ: мы полагаемъ, что для общаго счастья и для общей пользы нужно, чтобы были вездѣ безплатныя школы, гдѣ могли бы учиться всѣ дѣти; нужно, чтобы люди работали меньше, а получали бы больше; нужно, чтобы старики и больные не умирали отъ голода, но чтобы общество содержало ихъ и т. д.; если вы насъ выберете, то мы будемъ стараться все это сдѣлать, такъ какъ вы, выбирая насъ, тѣмъ самымъ показываете, что и вы считаете нужнымъ сдѣлать то, что мы вамъ предлагаемъ; если вы не считаете этого нужнымъ, то вы насъ не выберете. Это ясно и понятно. Люди предлагаютъ; если имъ вѣрятъ — ихъ выбираютъ, если нѣтъ — не выбираютъ. Такія

лица, которымъ довѣряютъ граждане, называются депутатами; граждане выбираютъ ихъ какъ своихъ довѣренныхъ лицъ. Власть гражданъ остается цѣликомъ при нихъ; депутаты только представляютъ ее на время; разъ они не выполняютъ того, что обѣщали, ихъ больше не выбираютъ, лишаютъ довѣрія, и они становятся самыми обыкновенными частными людьми.

Само собою разумѣется, что всѣ граждане должны выбирать депутатовъ, иначе мы не будемъ въ состояніи узнать общей воли, а насъ интересуетъ только общая воля, такъ какъ мы имѣемъ дѣло со свободными гражданами, преслѣдующими общую для нихъ всѣхъ цѣль — всеобщее счастье.

Тѣ выборы, въ которыхъ участвуютъ всѣ граждане, называются всеобщими выборами; право, которое имѣетъ гражданинъ при выборѣ депутата, называется избирательнымъ правомъ. Итакъ, всеобщее избирательное право выражаетъ общую волю гражданъ, посредствомъ которой они назначаютъ депутатовъ, т. е. своихъ довѣренныхъ и избранныхъ лицъ, которыя обязаны заботиться объ общемъ благѣ гражданъ, представлятъ ихъ всеобщую волю и отдавать имъ отчетъ въ томъ, какъ они управляли общимъ, довѣреннымъ имъ на время, дѣломъ.

Воля гражданъ является единственнымъ источникомъ власти депутатовъ и всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ, которымъ сами граждане непосредственно или посредствомъ своихъ представителей поручаютъ управленіе общественными дѣлами. Эта воля есть верховная воля, т. е. выше ея нѣтъ ничего и никого.

Народъ, т. е. граждане, всегда и навсегда сохраняютъ за собой ихъ верховную волю; депутаты только представляютъ ее и дѣйствуютъ точно такъ же, какъ довѣренное лицо; довѣритель всегда можетъ уничтожить довѣренность, и граждане всегда

могутъ не выбрать вновь своихъ депутатовъ и тѣмъ самымъ прекратить ихъ представительство.

Когда выбранные депутаты собираются вмѣстѣ, то они образуютъ парламентъ или палату депутатовъ (государств. думу). Этотъ парламентъ или палата и составляютъ правительство. Такъ какъ всѣ депутаты вышли изъ народа и существуютъ только постолько, поскольку они пользуются довѣріемъ гражданъ, то само собою понятно, что граждане могутъ измѣнить или перемѣнить свое правительство каждый разъ, когда они найдутъ нужнымъ это сдѣлать.

Для чего назначается правительство? Мы уже сказали, что для завѣдыванія общественными дѣлами съ цѣлью обезпечить всѣмъ и каждому возможно большее счастье и благосостояніе.

Въ чемъ состоитъ дѣятельность правительства? Оно издаетъ законы, приводитъ ихъ въ исполненіе и судитъ тѣхъ, которые этихъ законовъ не исполняютъ.

Слѣдовательно, власть бываетъ законодательная, т. е. такая, которая издаетъ новые законы или измѣняетъ и отмѣняетъ старые.

Власть бываетъ исполнительная, т. е. такая, которая слѣдитъ за правильнымъ исполненіемъ и примѣненіемъ законовъ, и, наконецъ, власть бываетъ судебная, когда она судитъ за неисполненіе законовъ.

Всѣ эти три власти — законодательная, исполнительная и судебная — принадлежатъ гражданамъ, и они поручаютъ своимъ довѣреннымъ — депутатамъ — слѣдить за правильнымъ отправленіемъ этихъ властей къ отношеніямъ между гражданами.

Власть законодательную они поручаютъ депутатамъ; депутаты поручаютъ власть исполнительную министрамъ, но при условіи, чтобы министры были отвѣтствены передъ ними. Что это значитъ?

Просто то, что если министры плохо исполняютъ порученное имъ дѣло, то они отставляются, — ихъ лишаютъ довѣрія. Такъ какъ депутаты отвѣтственны передъ своими избирателями, а министры отвѣтственны передъ депутатами, то выходитъ, что и сами министры отвѣтственны передъ гражданами.

Возьмемъ примѣръ: лица, хотящія быть депутатами, предложили гражданамъ завести безплатное обязательное образованіе для всѣхъ дѣтей. Граждане нашли, что это, дѣйствительно, хорошо и необходимо; они выбрали тѣхъ лицъ, которыя это дѣло предложили. Депутаты собрались вмѣстѣ и выбрали министровъ, которымъ поручили это дѣло устроить такъ, чтобы дѣти дѣйствительно обучались, т. е. чтобы были построены школы, наняты учителя и т. п. Депутаты, спустя нѣкоторое время, спрашиваютъ министровъ: учатся ли дѣти; имъ отвѣчаютъ: да, учатся, и показываютъ, сколько денегъ израсходовано, сколько школъ построено, сколько въ нихъ учениковъ, учителей и т. д. Если депутаты находятъ, что дѣло идетъ хорошо, — министры остаются; если плохо — министры должны уйти въ отставку. Въ этомъ и состоитъ отвѣтственность министровъ. Мы знаемъ, что въ депутаты попадутъ только тѣ, за которыхъ будетъ большинство голосовъ гражданъ, — только такія лица и пользуются ихъ довѣріемъ. Такъ же дѣло обстоитъ и съ министрами: только тѣ могутъ оставаться, которые пользуются довѣріемъ депутатовъ.

Чтобы узнать, пользуются ли министры этимъ довѣріемъ, депутаты голосуютъ между собой; если большинство за нихъ, — они остаются, если противъ нихъ — они уходятъ, такъ какъ, значитъ, имъ не довѣряютъ. Если, напримѣръ, въ парламентѣ 600 депутатовъ, то чтобы имѣть большинство за собой, нужно получить больше 300 голосовъ; если ихъ меньше, придется уходить въ отставку.

Когда избиратели, т. е. граждане, или депутаты подаютъ свой голосъ, то они вотируютъ. Слѣдовательно, вотумъ гражданъ назначаетъ депутатовъ, а вотумъ депутатовъ рѣшаетъ тотъ или другой вопросъ, въ томъ числѣ и отвѣтственность министровъ.

Остается власть судебная, т. е. та, которая судитъ за преступленія или разбираетъ споры между гражданами. Эта власть отправляется судьями. Во всѣхъ, такъ называемыхъ, уголовныхъ дѣлахъ судьи должны быть присяжные, т. е. сами граждане, всѣ по очереди. Въ спорахъ гражданскихъ, т. е. такихъ, гдѣ дѣло идетъ о нарушеніи выгодъ безъ намѣренія обмануть или причинить вредъ, дѣла должны рѣшаться выбранными населеніемъ судьями. Конечно, судьи должны быть несмѣняемы, т. е. они не могутъ быть удалены съ ихъ мѣстъ волей министровъ, такъ какъ иначе они изъ страха быть уволенными могли бы судить неправильно или несправедливо. Достаточно судей избирать каждыя пять лѣтъ, чтобы обезпечить правильное и справедливое отправленіе правосудія.

Вотъ и все, что составляетъ правительство; понятно, что для успѣшнаго хода дѣлъ нужно строго опредѣлить то, чѣмъ должна заниматься каждая изъ трехъ властей, т. е. законодательная, исполнительная и судебная. Если, напримѣръ, министръ, представитель исполнительной власти, будетъ вмѣшиваться въ дѣло судьи, то никакого правосудія не будетъ: судья постановитъ одно, а министръ прирѣшитъ другое; или если, наоборотъ, министръ прикажетъ сдѣлать что-нибудь, а судья этого не позволитъ. Для того, чтобы такихъ случаевъ произойти не могло, строго устанавливаютъ предѣлъ власти всѣхъ и подчиняютъ ихъ отвѣтственности по закону. Что-же такое законъ, передъ которымъ всѣ и каждый должны склонятся и повиноватся? Отвѣтить на это долженъ умѣть всякій, кто вни-

мательно прочелъ предыдущее, ибо изъ него ясно слѣдуетъ, что законъ есть не что иное, какъ частичное выраженіе верховной воли гражданъ, принявшее определенную форму и видъ. Мы знаемъ, что для составленія законовъ граждане выбираютъ депутатовъ; эти депутаты представляютъ народную верховную волю. Если эти депутаты рѣшили принять какую-нибудь мѣру и выразили ее въ опредѣленныхъ и ясныхъ словахъ, такъ что всякому понятно, что постановляется и чего требуютъ, — то такое рѣшеніе большинства палаты депутатовъ и называется закономъ; депутаты представляютъ верховную волю гражданъ, все, что они дѣлаютъ, они дѣлаютъ во имя народа и представляя его волю, — значитъ законъ есть, выраженная въ опредѣленной формѣ и относящаяся къ опредѣленнымъ случаямъ, воля народа.

Такъ какъ нельзя не повиноваться волѣ народной, правильно выраженной, то законъ обязателенъ для всѣхъ: для гражданъ, для министровъ, должностныхъ лицъ, судей и депутатовъ. Каждый обязанъ повиноваться закону, покуда онъ существуетъ, и никто ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть изъятъ отъ дѣйствія закона.

А какже, спросятъ насъ, быть съ законами, уже устарѣвшими и кажущимися несправедливыми? Другого пути нѣтъ, какъ отмѣнить ихъ по правиламъ. Это сдѣлать не трудно: мы знаемъ, что у насъ есть всеобщее избирательное право; значитъ, всякій гражданинъ имѣетъ возможность выбирать того, кого онъ считаетъ нужнымъ; возьмемъ примѣръ: депутаты издали законъ, въ силу котораго нужно платить налогъ на спички. Разъ законъ изданъ, — всѣ должны ему повиноваться, т. е. всѣ должны платить; но многіе граждане считаютъ, что налогъ этотъ тяжелъ, несправедливъ и т. п. Что имъ дѣлать? Очень просто — они должны обратиться къ

своимъ согражданамъ съ рѣчами, книжками, листками и т. д., гдѣ они могутъ, сколько угодно, осуждать данный законъ о налогѣ на спички; всякій будетъ его исполнять, покуда онъ существуетъ, а въ осужденіи могутъ быть они и правы. Какъ-бы то ни было, но тѣ, которымъ законъ не нравится, или убѣдятъ всѣхъ, что дѣйствительно этотъ законъ не хорошъ, или никто ихъ не будетъ слушать и никому зла отъ осужденія не будетъ. Если-же имъ удастся убѣдить большинство гражданъ въ томъ, что законъ не хорошъ, то, конечно, граждане выберутъ такихъ депутатовъ, которые обѣщаютъ отмѣнить законъ; депутаты должны исполнить ихъ обѣщаніе, во-первыхъ, потому, что и они — граждане, т. е. и они обязаны повиноваться закону, который всѣ или большинство разсматриваютъ, какъ плохой, а, во-вторыхъ, если не исполнятъ своего обѣщанія, то ихъ больше никогда не выберутъ.

Разумѣется, такой порядокъ возможенъ только при томъ условіи, что каждый гражданинъ имѣетъ право голоса, т. е. можетъ выбирать такого депутата, который ему кажется наиболѣе подходящимъ, лучше всего могущимъ исполнить его желанія. Мы ясно видимъ, какимъ образомъ въ нашемъ обществѣ составляютъ законы, исполняютъ ихъ и судятъ за преступленія, совершенныя противъ закона. Такой порядокъ, при которомъ все совершается такъ, какъ мы пишемъ, называется демократическимъ[1]), т. е. народнымъ, ибо въ немъ все дѣлается во имя народа, посредствомъ народа и для народа.

Всякій другой порядокъ будетъ анти-демократическимъ, т. е. такимъ, который направленъ противъ народа. Въ самомъ дѣлѣ, при нашемъ порядкѣ

---

[1]) Демосъ — значитъ по-гречески народъ.

все исходитъ изъ воли народа и все возвращается къ ней. Ничего, кромѣ этого порядка, нельзя выдумать, если только опредѣлить цѣль общества такъ, какъ мы это сдѣлали, т. е. если признать, что эта цѣль состоитъ въ счастьѣ каждаго отдѣльнаго члена и всѣхъ.

Раньше, какъ мы уже говорили, короли повсюду увѣряли, что они получили власть отъ Бога; этимъ самымъ они, во-первыхъ, ставили себя выше всего народа; народная воля совсѣмъ для нихъ даже и не существовала. Они правили народомъ, какъ имъ Богъ на душу положитъ; закона не было, а была лишь королевская воля; не было и отвѣтственности, такъ какъ передъ кѣмъ же могла отвѣчать власть, разъ она исходила отъ Бога? Конечно, ни передъ кѣмъ, и выходило, что Богъ назначалъ полицію, приказывалъ платить налоги, строилъ тюрьмы и казармы вмѣсто школъ и больницъ. Не только жаловаться было некому, но и никакихъ способовъ не было. Богъ далъ власть королю, а онъ далъ эту власть полицейскому, и выходило, что городовой представлялъ Бога. Что самое удивительное — это терпѣніе людей, которые тысячилѣтіями терпѣли и сносили подобный порядокъ и вѣрили или дѣлали видъ, что вѣрятъ подобной нелѣпости. Правда, сперва въ Англіи, а потомъ во Франціи королямъ просто на просто отрѣзали головы, такъ какъ они упорно не хотѣли признать народную волю за верховный и единственный законъ.

Мы можемъ сказать, что двухъ мнѣній по этому поводу быть не можетъ: или нужно признать, что можно править помимо воли народной, т. е. при помощи силы и насилія, или во имя воли народа, т. е. на основаніи закона и права.

Если дѣло идетъ о такомъ правительствѣ, которое правитъ помимо воли народной, то, очевидно,

что оно можетъ управлять только при помощи силы. Если дѣло идетъ о правительствѣ демократическомъ, т. е. народномъ, то при немъ всякое мнѣніе отдѣльнаго гражданина, если оно вѣрно и справедливо, можетъ сдѣлаться закономъ и правомъ. Стоитъ только гражданину сумѣть убѣдить другихъ въ томъ, что онъ правъ, какъ эти другіе выберутъ такихъ депутатовъ, которые превратятъ это мнѣніе въ законъ. Значитъ, мы можемъ сказать, что демократическое правительство считается не только съ волей гражданъ, которая для всѣхъ обязательна, но и съ простымъ мнѣніемъ. Вотъ почему Цицеронъ говорилъ, что при демократическомъ правленіи всякій гражданинъ, интересующійся общественнымъ дѣломъ, является правителемъ. Наоборотъ, въ правленіи монархіи не только мнѣніе, но и воля народа не существуетъ; даже больше: всякое мнѣніе, направленное противъ такого правительства, разсматривается имъ, какъ преступленіе; эти мнѣнія составляютъ самыя тяжелыя преступленія, — ихъ называютъ политическими; тѣхъ, кто ихъ высказываютъ, считаютъ тяжкими преступниками, измѣнниками; ихъ судятъ судьи, назначенные самимъ правителемъ, не на основаніи закона, потому что законовъ при такомъ правленіи нѣтъ, а на основаніи воли правителя и, разумѣется, осуждаютъ на смерть, или на каторгу, ссылку, тюрьму.

При демократическомъ правленіи все право находится въ головахъ и волѣ гражданъ и только въ нихъ; какъ только граждане сами или черезъ посредство своихъ депутатовъ изъявили свою верховную волю, — она становится закономъ, равно обязательнымъ для всѣхъ. Сами граждане не могутъ желать себѣ вреда; они могутъ ошибаться, но у нихъ есть всеобщее избирательное право, которое не сегодня-завтра исправитъ эту ошибку; они могутъ издать нехорошій законъ, но каждый можетъ

осуждать его, ибо онъ гражданинъ, онъ носитъ въ себѣ частицу верховной власти, и стоитъ ему собрать вокругъ себя достаточное количество единомышленниковъ, чтобы этотъ законъ былъ отмѣненъ, измѣненъ или замѣненъ новымъ и лучшимъ.

Разумѣется, что для существованія подобнаго демократическаго общества необходимы особыя условія; эти условія называются естественными правами человѣка и гражданина и конституціей. Въ слѣдующей главѣ мы и займемся этими правами и отвѣтимъ на вопросъ: что такое конституція, такъ какъ безъ отвѣта на него мы не сможемъ отвѣтить на основной вопросъ, ради котораго мы ведемъ нашу бесѣду: что такое отечество?

IV.

Естественныя права и конституція.

Мы все время говорили о народной волѣ и общемъ счастьѣ, какъ объ основѣ и цѣли политическаго общества. Насъ въ правѣ спросить: какъ же устроить такъ, чтобы воля гражданъ, соединенныхъ въ общество, была бы уважаема и свободна? Вѣдь мы сами признали необходимость правительства, а всѣмъ и каждому извѣстно, что всякое правительство стремится захватить какъ можно больше власти въ свои руки, чтобы оставить какъ можно меньше власти въ рукахъ гражданъ.

Это возраженіе очень важное, и отвѣтить на него можно, только выяснивъ, что̀ такое естественныя права человѣка и гражданина и что̀ такое конституція.

Говоря о свободномъ союзѣ гражданъ, преслѣдующихъ счастье и благосостояніе каждаго и всѣхъ, мы имѣли въ виду политическое общество. Для того, чтобы соединиться въ какое-бы то ни было общество, необходимо, чтобы будущіе его члены

обладали еще раньше этого соединенія, раньше заключенія договора извѣстными правами; во всякомъ случаѣ, этотъ договоръ долженъ твердо и опредѣленно установить эти права. Такъ, напримѣръ, ни одинъ человѣкъ, находящійся въ рабствѣ не можетъ заключать какого-либо договора, такъ какъ у раба нѣтъ своей воли; не можетъ также заключать договора и человѣкъ, находящійся въ подчиненіи у другого, ибо этотъ другой можетъ вліять на его рѣшеніе въ силу своей власти. Когда дѣло идетъ о заключеніи политическаго или, какъ обыкновенно говорятъ, общественнаго договора, то, само собою разумѣется, всѣ должны быть свободны и равны между собою; если граждане, собирающіеся заключить союзъ, не свободны и не равны, то такой союзъ будетъ заключенъ не съ цѣлью обезпечить всѣмъ и каждому какъ можно больше счастья и благосостоянія, а съ цѣлью улучшить положеніе однихъ за счетъ другихъ. При такомъ условіи пропадаетъ и цѣль и смыслъ заключенія общественнаго договора; будущій порядокъ долженъ, слѣдовательно, покоиться на такихъ основаніяхъ, которыя сами по себѣ являются необходимыми для его существованія. Эти основанія и состоятъ изъ естественныхъ правъ человѣка и гражданина, т. е. такихъ, которыми онъ обладаетъ еще до совершенія договора, или которыя онъ объявляетъ таковыми въ моментъ совершенія этого договора.

Пояснимъ это примѣромъ: родится ребенокъ, — онъ совершенно беззащитенъ; убить его не представляетъ никакого труда. Но имѣетъ-ли кто-нибудь право убить ребенка? Разумѣется, нѣтъ. Почему? Потому что ребенокъ это человѣкъ, а человѣкъ имѣетъ извѣстныя права только въ силу одного того, что онъ человѣкъ — напримѣръ, право на жизнь, ибо никто не можетъ безнаказанно убить человѣка. Слѣдовательно, извѣстныя права раз-

сматриваются какъ-бы родившимися вмѣстѣ съ человѣкомъ и столь-же ему присущими, какъ и его части тѣла. Мы не можемъ представить себѣ человѣка, если это не уродъ, безъ глазъ или безъ рукъ, — онъ родится съ глазами и руками, — это естественно; но онъ также родится и съ извѣстными правами, — и эти права называются естественными правами человѣка. Когда онъ заключаетъ договоръ, онъ прежде всего устанавливаетъ свои права, какъ гражданинъ; если онъ этихъ правъ не установитъ, то весь договоръ для него теряетъ всякую цѣнность. Допустимъ, положимъ, что десять человѣкъ заключили между собою договоръ, но не оговорили, что каждый изъ нихъ останется всю жизнь свободнымъ; какая-бы ни была цѣль этого договора, но если одни изъ тѣхъ, кто въ немъ участвуютъ, могутъ сажать въ тюрьму другихъ, т. е. лишать ихъ свободы, то, понятно, что весь договоръ потеряетъ для нихъ всякую цѣнность, всякій смыслъ.

Слѣдовательно, люди-граждане, вступая между собою въ союзъ и заключая общественный договоръ, должны основать его на такихъ правахъ, которыя общи всѣмъ и каждому. Само-собою понятно, что никто и ничто такихъ установленныхъ правъ разрушить или нарушить не можетъ; если нарушаются подобныя основныя права, разрушается и самъ договоръ и весь союзъ распадается. Конечно, вся совокупность гражданъ можетъ измѣнять свой взглядъ на тѣ или другія естественныя права; такъ, напримѣръ, одинъ союзъ можетъ считать естественнымъ правомъ человѣка и гражданина, чтобы онъ, въ случаѣ нужды и невозможности работать, содержался бы за счетъ общества; другой союзъ можетъ и не признавать этого права естественнымъ, но ни одинъ не можетъ отнимать или ограничивать правъ отдѣльнаго лица больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ; если одно право признается за однимъ,

то оно, естественно, признается и за другимъ. Во всякомъ случаѣ, естественными правами человѣка и гражданина считаются такія, которыя не могутъ быть ни отняты, ни уменьшены безъ измѣненія всего союза, безъ нарушенія его цѣлости и цѣли.

Всѣ народы, которые своею собственною силою добыли свои права и завоевали свою свободу, провозглашали самымъ торжественнымъ образомъ свои естественныя права человѣка и гражданина; на эти права не могъ, подъ страхомъ наказанія, никто покуситься; эти права считались неприкосновенными, священными и неотъемлемыми. Безъ этихъ правъ человѣкъ не считался человѣкомъ, а гражданинъ, будучи лишенъ ихъ, изъ свободнаго превращался въ раба.

Когда американскій народъ возсталъ противъ англійскаго короля, то его представители заявили передъ лицомъ всѣхъ народовъ, какія права они считаютъ естественными, т. е. тѣ, безъ которыхъ не можетъ существовать человѣческое общество.

Когда французскій народъ возсталъ противъ своего короля, то онъ, въ свою очередь, торжественно провозгласилъ свои естественныя права человѣка и гражданина.

Это провозглашеніе было сдѣлано въ заявленіи, которое носитъ названіе «Декларація Правъ Человѣка и Гражданина». Вотъ въ чемъ состоятъ эти права по мнѣнію французскаго народа и въ изложеніи такого свѣтлаго ума, какимъ былъ французъ Кондорсэ, жизнью заплатившій за свои убѣжденія. Эта декларація, принятая собраніемъ представителей французскаго народа въ 1793 году, раздѣляется на слѣдующія статьи:

«Ст. 1. Естественныя, гражданскія и политическія права людей суть: свобода, равенство, без-

опасность, собственность, общественная гарантія и сопротивленіе насилію.

Ст. 2. Свобода состоитъ въ возможности дѣлать то, что не противно правамъ другого; такимъ образомъ, упражненіе естественныхъ правъ каждаго человѣка не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованіе тѣми-же правами.

Ст. 3. Сохраненіе свободы зависитъ отъ подчиненія закону, который есть выраженіе общей воли. Все, что не запрещается закономъ, не можетъ быть возбраняемо и никто не можетъ быть принужденъ дѣлать то, чего законъ не повелѣваетъ.

Ст. 4. Всякій человѣкъ свободенъ высказывать свои мысли и мнѣнія.

Ст. 5. Свобода печати (и всякій другой способъ публиковать свои мысли) не можетъ быть ни воспрещена, ни прекращена, ни ограничена.

Ст. 6. Всякій гражданинъ долженъ быть свободенъ въ отправленіи своего культа.

Ст. 7. Законность состоитъ въ томъ, что всякій можетъ пользоваться тѣми-же правами.

Ст. 8. Законъ долженъ быть равенъ для всѣхъ и тогда, когда онъ награждаетъ, и тогда, когда караетъ или подавляетъ.

Ст. 9. Всѣ граждане допускаются къ занятію всѣхъ мѣстъ, должностей и общественныхъ службъ. Свободные народы не могутъ имѣть другихъ мотивовъ для предпочтенія, какъ таланты и добродѣтели.

Ст. 10. Безопасность состоитъ въ охранѣ, оказываемой обществомъ каждому гражданину для сохраненія его личности, его имущества и его правъ.

Ст. 11. Никто не долженъ быть отданъ подъ судъ, арестованъ и задержанъ иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и согласно предписанныхъ имъ правилъ. Всякій другой актъ, на-

правленный противъ гражданина, ничтоженъ и произволенъ.

Ст. 12. Тѣ, кто ходатайствуютъ, отправляютъ, подписываютъ, исполняютъ или заставляютъ исполнять такіе произвольные акты (дѣйствія, приказы), объявляются виновными и должны быть наказаны.

Ст. 13. Гражданинъ, противъ котораго пытались бы направить подобные акты, имѣетъ право сопротивлятъся имъ силою; но каждый гражданинъ, призванный или схваченный властью закона и согласно правилъ, предписанныхъ имъ, долженъ повиноватъся немедленно: онъ становится виновнымъ, если сопротивляется.

Ст. 14. Всякій человѣкъ почитается невиновнымъ до тѣхъ поръ, пока его не объявятъ виновнымъ, и если признано неизбѣжнымъ арестовать его, то всякая суровость, не необходимая для того, чтобы схватить его личность, должна быть строго наказана закономъ.

Ст. 15. Никто не долженъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, установленнаго и опубликованнаго раньше совершенія проступка и законно приложеннаго.

Ст. 16. Законъ, наказывающій проступки, совершенные раньше его существованія, былъ бы актомъ произвола. Обратная сила, приданная закону, есть преступленіе.

Ст. 17. Законъ не долженъ установлять другихъ наказаній, кромѣ строго и очевидно необходимыхъ для общественной безопасности; наказанія должны быть пропорціональны проступкамъ и полезны для общества.

Ст. 18. Право собственности состоитъ въ томъ, что каждый человѣкъ есть хозяинъ въ распоряженіи по своему желанію своимъ имуществомъ, капиталомъ, доходомъ и промышленной дѣятельностью.

Ст. 19. Никакой видъ труда, торговли и образованія не можетъ быть ему запрещенъ; онъ можетъ фабриковать, продавать и перевозить всѣ виды продуктовъ.

Ст. 20. Всякій человѣкъ можетъ принимать обязательство на свой трудъ и свое время; но онъ не можетъ продать самого себя: его личность не есть собственность отчуждаемая.

Ст. 21. Никто не можетъ быть лишенъ и малѣйшей части его собственности безъ его согласія, если только этого лишенія не требуетъ общественная необходимость, законно удостовѣренная и при условіи справедливаго и предварительнаго вознагражденія.

Ст. 22. Никакой налогъ не можетъ быть установленъ какъ только для общей пользы и для удовлетворенія общественныхъ нуждъ. Всѣ граждане имѣютъ право способствовать лично или черезъ своихъ представителей установленію общественныхъ налоговъ.

Ст. 23. Образованіе есть всеобщая потребность, и общество обязано его давать всѣмъ своимъ членамъ.

Ст. 24. Общественная помощь есть священный долгъ общества, и законъ долженъ установить размѣръ и приложеніе этой помощи.

Ст. 25. Гарантія (обезпеченіе) этихъ правъ покоится на національномъ суверенитетѣ (верховенствѣ народа).

Ст. 26. Этотъ суверенитетъ единъ, недѣлимъ, непогашаемъ и неотчуждаемъ.

Ст. 27. Онъ находится во всемъ народѣ, а каждый гражданинъ имѣетъ одинаковое право способствовать его упражненію.

Ст. 28. Ни одно частичное собраніе гражданъ и ни одинъ индивидъ (человѣкъ) не могутъ припи-

сывать себѣ суверенитета [1]), упражнять власть [2]) или отправлять общественныя функціи безъ формальнаго заявленія закона.

Ст. 29. Общественная гарантія не можетъ существовать тамъ, гдѣ границы общественныхъ функцій не установлены ясно закономъ и гдѣ отвѣтственность каждаго должностного лица не обезпечена.

Ст. 30. Всѣ граждане обязуются способствовать этой гарантіи и помогать закону, когда они призываются отъ его имени.

Ст. 31. Люди, соединенные въ общество, должны располагать законнымъ средствомъ сопротивляться насилію.

Ст. 32. Насиліе имѣетъ мѣсто тогда, когда какой-либо законъ нарушаетъ естественныя гражданскія и политическія права, которыя онъ долженъ обезпечивать. Насиліе имѣетъ мѣсто и тогда, когда какое-либо общественное должностное лицо нарушаетъ законъ въ его примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ. Насиліе имѣетъ мѣсто и тогда, когда произвольные акты нарушаютъ права гражданъ вопреки выраженію закона. При всякомъ свободномъ правительствѣ способъ сопротивленія этимъ различнымъ актамъ насилія долженъ быть регулированъ конституціей.

Ст. 33. Народъ всегда имѣетъ право пересмотрѣть, реформировать и измѣнить свою конституцію. Одно поколѣніе не имѣетъ права подчинить своимъ законамъ будущія поколѣнія, и всякая наслѣдственность въ должностяхъ (функціяхъ) нелѣпа и тиранична».

Декларація Правъ Человѣка и Гражданина, написанная Кондорсэ, должна быть понята и усвоена почти наизусть. Эти права составляютъ основаніе

---

[1]) Верховная власть.

[2]) Упражнять власть или право — значитъ пользоваться и тѣмъ и другимъ.

всякаго политическаго общества свободныхъ гражданъ. Мы ясно видимъ, въ чемъ они состоятъ: въ свободѣ, равенствѣ и законности; законъ есть выраженіе свободной и верховной воли гражданъ; для того, чтобы воля эта была свободна и верховна, т. е. чтобы никто не могъ ее насиловать или имѣть власть помимо ея, нужно, чтобы граждане обладали тѣми правами, которыя указываетъ Кондорсэ. Всѣ статьи его деклараціи необходимы; въ нихъ указаны тѣ права, которыя считаются основными, священными и неотъемлемыми; на нихъ покоится общественный договоръ, и если нарушаются эти права, нарушается и самъ договоръ. Кондорсэ говоритъ, что «цѣль соединенія людей въ общество есть охрана ихъ естественныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ, — въ силу этого эти права должны быть основой общественнаго договора; ихъ признаніе и ихъ декларація (заявленіе) должны предшествовать конституціи, которая обезпечиваетъ ихъ гарантію (ненарушимость)». Такъ какъ обладаніе этими правами обезпечиваетъ гражданамъ ихъ жизнь, свободу, равенство и благосостояніе, — оно, значитъ, обезпечиваетъ имъ счастье, т. е. то, ради чего они соединяются въ общество.

Но эти права должны быть обезпечены — чѣмъ? конституціей. Что это значитъ? Не что иное, какъ такіе основные законы, которые опредѣляютъ устройство политическаго общества, покоющагося на естественныхъ правахъ.

Это вполнѣ понятно, — возьмемъ прежній примѣръ: нѣсколько человѣкъ основываютъ промышленную компанію[1]), они для этого соединяются

[1]) Необходимо помнить, что сравненіе съ промышленной компаніей дѣлается только для поясненія основной мысли. На самомъ дѣлѣ разница между устройствомъ политическаго общества и промышленной компаніей громадная, такъ какъ первое имѣетъ въ виду человѣческую личность, а вторая — только капиталъ, т. е. вещь неодушевленную.

вмѣстѣ, и каждый изъ нихъ приноситъ съ собой извѣстную сумму денегъ, или имущества, или личнаго труда. Нужно строить такъ, чтобы эти основныя права членовъ будущей компаніи были обезпечены; для этого, какъ мы видимъ, они составляютъ уставъ, который обезпечиваетъ права каждаго изъ членовъ и точно указываетъ, какимъ образомъ эти права обезпечиваются и какъ будетъ дѣйствовать промышленное общество. Общество политическое составляетъ точно такимъ же образомъ свой уставъ, который и называется конституціей. Какъ промышленное общество не можетъ существовать безъ яснаго и опредѣленнаго устава, такъ и общество политическое не можетъ существовать безъ конституціи. Она должна точно и ясно установить права гражданъ, она должна точно и ясно установить права и обязанности правительства и тѣхъ трехъ властей, о которыхъ мы говорили раньше, т. е. власти законодательной, исполнительной и судебной.

Въ эту конституцію входятъ основные законы, т. е. такіе, которые не могутъ мѣняться, не измѣняя отношеній гражданъ между собою и ихъ отношенія къ правительству. Понятно, что эти основные законы должны отличаться особенной ясностью и точностью, соединенныхъ съ прочностью, дабы общество могло жить мирно и безъ потрясеній развивать духовныя и матеріальныя блага своихъ членовъ.

Если естественное право человѣка и гражданина состоитъ, между прочимъ, въ свободѣ и равенствѣ, то конституція должна указать средства, какъ охранить эту свободу и это равенство. Если естественное и политическое право гражданъ состоитъ въ избраніи представителей (депутатовъ) для приготовленія законовъ, то конституція должна содержать точныя и ясныя правила, на основаніи которыхъ за гражданами признается это право и указываются средства осуществить его.

Такимъ образомъ, конституція должна гарантировать, т. е. обезпечить всѣ указанныя выше права гражданъ; она служитъ заставой для правительственной власти, такъ какъ эта власть не смѣетъ нарушить законовъ вообще и въ особенности тѣхъ, которые охраняютъ права гражданъ. Отдѣляя права и обязанности правительства отъ правъ и обязанностей гражданъ, конституція обезпечиваетъ правильный ходъ общественныхъ дѣлъ и ежечасно напоминаетъ о томъ, что не народъ созданъ для правительства, а правительство создано для народа.

Естественныя права и конституція составляютъ организацію или устройство свободнаго политическаго общества; безъ нихъ нѣтъ ни равенства, ни свободы, ни закона, ни общественнаго счастья.

Чтобы еще лишній разъ подчеркнуть значеніе деклараціи правъ человѣка и гражданина, мы приведемъ вводныя слова, которыми французскій Конвентъ его опредѣляетъ. Вотъ, что говорятъ его представители 24-го іюня 1793-го года:

«Французскій народъ, убѣжденный въ томъ, что забвеніе и презрѣніе естественныхъ правъ человѣка являются единственными причинами несчастій міра, рѣшилъ изложить въ торжественной деклараціи эти священныя и неотъемлемыя права для того, чтобы граждане, будучи въ состояніи безпрестанно сравнивать дѣйствія правительства съ цѣлью всякаго общественнаго учрежденія, никогда не позволили бы подавить и принизить себя какой-либо тираніи, для того, чтобы народъ всегда имѣлъ бы передъ своими глазами основы своей свободы и своего счастья; должностное лицо — правило его обязанностей, законодатель — цѣль своей миссіи».

Вотъ какъ полно и торжественно французскій народъ опредѣляетъ значеніе деклараціи правъ человѣка и гражданина. Но то, что необходимо фран-

цузскому народу, необходимо и всякому другому, ибо кто можетъ сказать, что онъ не хочетъ свободы, равенства и счастья для себя и для тѣхъ, съ кѣмъ онъ живетъ!

Выяснивъ, въ чемъ состоитъ цѣль всякаго человѣческаго общества, указавъ, какимъ образомъ оно должно быть устроено, какъ должны дѣйствовать въ немъ отдѣльныя частныя и должностныя лица, — мы можемъ отвѣтить на поставленный нами вопросъ: что такое отечество?

Для насъ теперь ясно, что отечество есть такое общество свободныхъ и равныхъ между собою гражданъ, которое живетъ на опредѣленной землѣ и преслѣдуетъ одну цѣль: возможно большее счастье каждаго изъ его членовъ отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ. Союзъ, заключенный гражданами, покоится на признаніи ихъ естественныхъ правъ, охраняемыхъ закономъ, который есть выраженіе свободной и верховной воли всего народа.

Значитъ, отечество состоитъ изъ согражданъ земли, на которой они живутъ, ихъ правъ и закона, который ими управляетъ. Если на лицо нѣтъ какого-либо изъ этихъ условій, то нѣтъ и отечества. Никто не можетъ пріѣхать въ Англію и сказать: я въ своемъ отечествѣ — потому что онъ не свободный и равный гражданинъ, а лицо, не имѣющее правъ. Всякій, кто пріѣдетъ въ Англію, скажетъ, что онъ находится въ англійскомъ государствѣ, а если мать случайно родила его въ Англіи, то онъ можетъ даже сказать, что онъ пріѣхалъ къ себѣ на родину, но онъ никогда не сможетъ сказать, что онъ находится въ своемъ отечествѣ. — Почему? Да потому, что въ понятіе отечества, какъ мы видѣли, входитъ прежде всего понятіе гражданина, т. е. лица, творящаго законъ, выражающаго вмѣстѣ со своими согражданами свою верховную волю, которая устрояетъ и управляетъ его отече-

ствомъ. Отнимите у учеловѣка это право и вы отнимете у него отечество; вы превратите его въ иностранца, въ раба; — онъ перестанетъ быть гражданиномъ, и у него не будетъ отечества, такъ какъ онъ не участвуетъ въ его созиданіи и управленіи.

Стало быть, мы правы, когда дали то опредѣленіе отечества, которое находится выше. Посмотримъ, какъ можно добиться всего того, о чемъ мы говорили.

V.

Средства добиться права имѣть отечество.

Мы думаемъ, что многіе изъ тѣхъ, которые прочтутъ выше написанное, скажутъ: «Да, конечно, такое устройство общества не только хорошо, но и необходимо, но дѣло въ томъ, что наше-то нисколько на него не походитъ, а какъ его измѣнить?» Но разъ у людей родится желаніе измѣнить тѣ условія, въ которыхъ они живутъ, и разъ они знаютъ, что нужно устроить вмѣсто прежняго порядка, — то можно считать дѣло выиграннымъ, такъ какъ раньше или позже люди добьются того, что они считаютъ хорошимъ и справедливымъ....

Ни одинъ народъ не былъ свободенъ въ началѣ своей исторіи; мы видѣли, что какъ только возникла королевская власть и какъ только эта власть окрѣпла, — вся исторія народовъ, по выраженію одного изъ депутатовъ французскаго народа, превратилась въ сплошное мученичество.

Уже въ древнемъ мірѣ бѣдные, за которыми не признавались никакія права, боролись съ богатыми и знатными. Борьба была такъ жестока, что въ Греціи, напримѣръ, побѣдители отдавали дѣтей побѣжденныхъ на растоптаніе стаду быковъ. Въ Германіи помѣщики избивали возставшихъ крестьянъ до тѣхъ поръ, пока имъ не пришло въ

голову, что если они всѣхъ перебьютъ, то не останется народа, который служилъ бы имъ. Во Франціи, когда бѣдные требовали права и хлѣба, имъ отвѣчали: «Коли у васъ нѣтъ правъ, а въ брюхѣ хлѣба, — мы вамъ засадимъ туда штыки». Но да не подумаютъ наши читатели, что мы хотѣли бы хоть одну минуту проповѣдывать ужасы борьбы стараго жестокаго времени; нѣтъ, такія мысли далеки отъ насъ тѣмъ болѣе, что только борьбой ничего сдѣлать нельзя. Мало того, борьба, не освященная великими идеалами, борьба, гдѣ борющійся не является представителемъ высшей справедливости, необходимой не только ему лично или классу общества, къ которому онъ принадлежитъ, — такая борьба не можетъ входить въ демократическую программу. Только тогда, когда отдѣльный человѣкъ или нѣсколько человѣкъ, или, наконецъ, цѣлый классъ борется за всеобщіе интересы, — только тогда онъ имѣетъ право это дѣлать, только тогда борьба изъ животной свалки превращается въ гражданскую войну.

Посмотримъ, что говорилъ по этому поводу одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французовъ; его имя было Мабли, онъ былъ священникомъ, и вотъ какія мысли онъ излагаетъ въ своей книгѣ, написанной 150 лѣтъ назадъ и называющейся «Права и обязанности гражданина». Эта замѣчательная для своего времени книга, истины которой сохранили почти все ихъ значеніе и до днесь, написана въ формѣ разговора и писемъ двухъ лицъ; одинъ изъ нихъ французъ, а другой англичанинъ. Этотъ послѣдній учитъ француза тѣмъ вещамъ, о которыхъ говоримъ мы; французъ полонъ уваженія къ своему королю, онъ полагаетъ, что все у нихъ идетъ хорошо и что нужно только подобрать честныхъ людей, и французское королевство сдѣлается лучшимъ изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ, государствъ. Англи-

чанинъ удивляется разсказамъ француза такъ, какъ удивились бы мы, если-бы намъ стали разсказывать о томъ, какъ хорошо живется въ каторжной тюрьмѣ.

Онъ начинаетъ ему возражать, и мало-по-малу передъ удивленнымъ, въ свою очередь, французомъ развертывается цѣлая картина политическаго устройства, покоющагося на свободѣ и равенствѣ гражданъ. Англичанинъ говоритъ: «Вы думаете, что мы, англичане, находимся всегда наканунѣ того дня, въ который мы перерѣжемъ другъ друга потому, что мы хотимъ измѣнить наше правительство; но это состояніе обязано своимъ происхожденіемъ какъ разъ тому, что англичане недостаточно думаютъ о своей еще мало окрѣпшей свободѣ и о томъ, что она потребуетъ оружія для своей защиты и поддержки.

«Во-вторыхъ... но я не смѣю сказать того, что думаю о гражданской войнѣ; вы примете меня за самаго бунтовщическаго и бѣшенаго изъ англичанъ»... «Имѣйте смѣлость сказать то, что вы думаете о гражданской войнѣ, — отвѣтилъ французъ, — я сдѣлался почти достоенъ слушать васъ; кромѣ того, гражданинъ, искренне любящій благо людей, можетъ ошибаться, но онъ никогда не попадетъ въ постыдное положеніе».

«Ну, если вы хотите, чтобы я сказалъ вамъ то, что думаю о гражданской войнѣ, — отвѣтилъ онъ, наклоняясь къ моему уху, — такъ слушайте: гражданская война есть зло въ томъ смыслѣ, что она противорѣчитъ безопасности и счастью, которыя имѣли въ виду люди, основывая совмѣстную общественную жизнь, и еще потому, что, благодаря ей, гибнутъ многіе граждане; это все равно, какъ если бъ мнѣ отрѣзали руку или ногу, — это зло для меня потому, что мое тѣло должно имѣть двѣ руки и двѣ ноги, и потому, что мнѣ больно, если ихъ отрѣзаютъ. Но когда гангрена охватила мою руку

4*

или ногу, — отрѣзать ее хорошо. Такимъ образомъ, гражданская война есть благо для общества, если общество должно погибнуть безъ этой операціи или, говоря на чистоту, должно бы умереть отъ деспотизма (насилія правительства). Если гражданская война есть дѣло анархіи (безпорядка, безвластія), т. е., если граждане безъ добродѣтелей, безъ знанія ихъ правъ и ихъ обязанностей презираютъ и ненавидятъ законы такъ же, какъ это дѣлаютъ чиновники, — то такая гражданская война есть зло; если люди возстаютъ противъ справедливаго возмездія потому, что стремятся быть убійцами безъ боязни кары; если наиболѣе смѣлый или ловкій можетъ дѣлать все, — то гражданская война есть великое зло.

Но дѣло мѣняется, когда говорятъ о гражданской войнѣ, зажженной любовью къ отечеству, уваженіемъ къ закону и желаніемъ защитить права и свободу народа».

Что-же отвѣтилъ на это французъ? Читайте:

«Я признаюсь: чѣмъ больше я думаю, тѣмъ быстрѣе исчезаютъ мои старые предразсудки. Я начинаю находить удивительнымъ, что насильники общества имѣли ловкость вбить намъ въ голову, что въ нашихъ интересахъ не мѣшать ихъ насилію и ихъ несправедливостямъ. Съ того времени, когда я познакомился съ мыслями англичанъ, я безпрестанно спрашиваю себя: дѣйствительно-ли гражданская война хуже рабства? То, что меня убиваетъ, такъ это умираніе, это уничтоженіе, это одурѣлость, это глупость, это медленное разрушеніе, громадное и вѣчное, порождаемое деспотизмомъ, уничтожающимъ народъ. Если бы даже гражданская война причинила больше зла, чѣмъ это медленное уничтоженіе, то, по крайней мѣрѣ, это зло было бы преходящимъ; оно встряхнуло бы душу народа и дало бы ей необходимое мужество, чтобы перенести

это преходящее зло. Никогда народъ не бываетъ такъ силенъ, такъ уважаемъ и такъ счастливъ, какъ послѣ волненій, вызванныхъ гражданской войной. Корсиканцы кажутся совсѣмъ другимъ народомъ съ того момента, когда любовь къ свободѣ вложила оружіе въ ихъ руки. Если, въ разгарѣ волненій, и не всегда становятся лучшими граждане, то, по крайней мѣрѣ, увеличивается просвѣщеніе, нарождаются таланты, и душа пріобрѣтаетъ извѣстную гордость....

Добродѣтельный гражданинъ можетъ справедливо поднять гражданскую войну потому, что есть тираны, т. е. чиновники, хотящіе имѣть власть, которая не можетъ и не должна принадлежать никому, кромѣ закону. Вѣчно разсматривать гражданскую войну, какъ несправедливость, заставлять гражданъ на вѣки подчиняться насилію, а не возбуждать ихъ сбросить его силою, — это значитъ проповѣдывать мысли, наиболѣе противныя добродѣтели и общему благу. Народъ, не желающій сопротивляться своему внутреннему врагу, своимъ тиранамъ, необходимо будетъ всегда оставаться въ рабствѣ. Если только не считать право сильнаго за самое священное и если среди людей есть хоть какія-нибудь начала нравственности и разума, то справедливость позволяетъ прибѣгнуть къ оружію, чтобы сопротивляться насильнику, нарушающему законъ или пользующемуся имъ для захвата произвольной власти».

Мы могли бы увеличить до безконечности наши выписки изъ этой замѣчательной книги — но къ чему? Если только все сказанное нами было прочитано со вниманіемъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что читатель понялъ наши мысли. Онъ понялъ «что начать ненавидѣть произвольную власть, — значитъ начать любить свободу и законъ», — а если онъ это понялъ, то наша цѣль

достигнута. Прошло едва пятьдесятъ лѣтъ, какъ Мабли написалъ свою книгу и французскій народъ, погруженный въ невѣжество и рабство въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, возсталъ противъ своего короля и провозгласилъ республику, т. е. такое правленіе, при которомъ единственнымъ и верховнымъ господиномъ своей политической судьбы сдѣлался самъ народъ. Тѣ мысли, которыя проповѣдывалъ Мабли, сдѣлались его евангеліемъ, его символомъ вѣры, и для защиты этого евангелія вооружился и старъ и младъ. Вся старая Европа набросилась на республиканскую Францію; короли и императоры хотѣли задавить своими рабскими полчищами свободный народъ. А этотъ народъ, еще наканунѣ бывшій безправнымъ рабомъ, превратился въ свободнаго гражданина и грудью своею защищалъ свое новое, найденное имъ самимъ и завоеванное отечество. Бывшіе унтеръ-офицеры и даже рядовые солдаты, которые при старомъ порядкѣ никогда не могли сдѣлаться офицерами, превратились въ полководцевъ, разбивавшихъ наиболѣе заслуженныхъ императорскихъ генераловъ. Часто оборванные и безъ сапогъ, молодые рекруты шли въ бой со словами марсельезы на устахъ и или погибали, или побѣждали. Да и что можетъ, на самомъ дѣлѣ, остановить порывъ гражданина, защищающаго свое отечество, т. е. свою землю, свободу и права? Только смерть. Для гражданина нѣтъ пословицы: «Моя хата съ краю», — она противна его духу; общественное дѣло — это его собственное, кровное дѣло, такъ какъ въ его декларацін правъ сказано: «Если общество страдаетъ, то страдаетъ и каждый изъ его членовъ; если страдаетъ ктолибо изъ членовъ, то страдаетъ и все общество». Тотъ, кто исповѣдуетъ такой символъ вѣры, сумѣетъ умереть, когда этого потребуетъ отечество, т. е. свобода, равенство и право.

Для гражданина нѣтъ равнодушія — того порока, про который Кантъ сказалъ, что онъ похожъ на темную ночь, въ которой рождаются всѣ остальные пороки и преступленія.

Но если для гражданина защита отечества есть священнѣйшая обязанность, — то столь-же священная обязанность для гражданина состоитъ въ уваженіи свободы другого народа. Граждане знаютъ, что́ такое свобода, — они умѣютъ цѣнить ее не только у себя дома, но и за его предѣлами. Вотъ почему для государства, въ которомъ граждане свободны, война наступательная, — въ политическомъ, конечно, смыслѣ, — т. е. стремящаяся къ завоеваніямъ, — невозможна.

Онъ любитъ свою свободу, онъ готовъ, если надо, умереть, защищая ее, но онъ чтитъ и свободу всякаго другого народа. Это необходимо помнить, такъ какъ ничто не можетъ быть противнѣе для свободы, какъ завоевательная война, предпринятая въ цѣляхъ покоренія, отнятія земли или взысканія денежнаго вознагражденія. Французская республика торжественно заявила при своемъ возникновеніи, что никогда ея армія не будетъ употреблена для покоренія свободнаго народа — и, дѣйствительно, ни одна изъ французскихъ республикъ не предпринимала завоевательныхъ войнъ противъ цивилизованныхъ народовъ, и никто не является такими горячими защитниками мира между народами, какъ истинные республиканцы, такъ какъ они чтутъ въ каждомъ и человѣка и гражданина, т. е. его свободу, его равенство и его права.

Такимъ образомъ, правильное внутреннее устройство, основанное на свободѣ и равенствѣ, приводитъ не только къ внутреннему миру, но и къ миру внѣшнему. Граждане свободныхъ государствъ не воюютъ другъ съ другомъ, а заключаютъ союзы, потому что они знаютъ, въ чемъ состоитъ цѣль

каждаго человѣческаго общества; разъ они преслѣдуютъ свое общественное счастье, то, разумѣется, они никому не только не могутъ препятствовать преслѣдовать ту же цѣль, но они должны помогать другимъ народамъ добиться того же порядка, который они установили у себя.

Еще Жанъ-Жакъ Руссо говорилъ въ своемъ сочиненіи, названнымъ имъ «Общественный договоръ», «что человѣкъ рождается свободнымъ, но повсюду онъ находится въ цѣпяхъ». Такъ было въ его время, т. е. 160 лѣтъ назадъ, — а теперь всѣ почти европейскіе народы разорвали эти цѣпи (послѣднимъ это сдѣлалъ народъ русскій). Многіе враги народа говорятъ, что то, что хорошо для француза, то не годится для русскаго. Но какъ можетъ не годиться для русскаго народа свобода и счастье? Какъ можно настолько презирать свой народъ, чтобы осмѣлиться сказать ему, что онъ не созданъ для свободы и равенства, а для рабства и подчиненія?

Говорятъ ему, что надо любить отечество, каково оно есть, не разбирая, плохо-ли оно или хорошо.

За что-же любить его, если оно плохо, спросимъ мы? Вѣдь его можно и должно улучшить. Кромѣ того, мы доказали, что тамъ, гдѣ нѣтъ свободы и равенства, гдѣ нѣтъ гражданъ, творящихъ законъ во имя державнаго народа, — тамъ нѣтъ и самаго отечества. Если не вѣрятъ, пусть послушаютъ того же Мабли, который въ другомъ своемъ сочиненіи говоритъ:

«Намъ говорятъ, что надо уважать законъ и любить отечество! Ну, а если законы порочны, или толкованіе ихъ произвольно; если эти законы создаютъ цѣлый классъ угнетателей и отдаютъ имъ во власть все общество; если эти законы созданы только для слабаго и несчастнаго и даютъ въ руки

сильнаго, злого новое оружіе; если эти законы подло покидаютъ меня какъ разъ тогда, когда я вопію къ ихъ защитѣ; если угнетатель находитъ въ этихъ законахъ вмѣсто судьи и мстителя только прибѣжище и безнаказанность; если они вмѣсто защиты невиновнаго только угнетаютъ его, — какъ-же тогда я могу любить подобные законы и какъ могу повѣрить я тому, что отечество, принявшее подобные законы, есть наша общая мать?

Для того, чтобы заставить гражданъ уважать законъ, нужно, чтобы онъ былъ мягокъ, человѣченъ и справедливъ. Но законодатели хотятъ заставить любить и уважать законъ, когда этотъ законъ наводитъ ужасъ, вмѣсто того, чтобы поощрять добродѣтель. Они сдѣлали изъ закона орудіе ихъ страстей, ихъ мстительности, ихъ капризовъ. Благодаря этому появились жестокіе законы, родившіеся въ вѣка варварства и невѣжества; благодаря этому появились тюрьмы, тайное слѣдствіе, пытка, политическое и религіозное преслѣдованіе; благодаря этому возникло непонятное судопроизводство и непонятный языкъ, превращающій законы въ грамоту, которую никто не можетъ прочитать. Въ этихъ-же законахъ нашли себѣ пріютъ: и денежныя взысканія, и отнятіе имущества, и всѣ остатки варварскаго вѣка, которые затемняютъ просвѣщеніе; когда читаешь наши законы, то кажется, что они написаны палачами.

Нѣтъ, если эти законы царятъ только ужасомъ, если они создаютъ только рабовъ и живутъ только благодаря внушаемому ими страху, а не любовью свободныхъ гражданъ, — то такіе законы могутъ быть дѣломъ только палачей и создаютъ только жертвы».

Вотъ какъ отвѣчаетъ Мабли на приглашеніе любить законы, написанные палачами и превращающіе людей въ рабовъ. Такъ же отвѣтимъ и мы

тѣмъ фарисеямъ и книжникамъ, которые приглашаютъ насъ любить всякое отечество, даже и терпящее подобные законы. Мабли зналъ, что «добродѣтель народа можно создать, только давъ ему настоящее отечество. Но вы никогда не дадите этого отечества, если прежде всего не дадите ему истинной политической конституціи; стѣны города или почва страны не создаютъ отечества; только конституція, основанная на справедливыхъ законахъ, создаетъ истиннаго гражданина и отечество.

Свободный народъ, самъ творя свои законы, любитъ ихъ, какъ мать любитъ своего ребенка. Онъ и эти законы едины суть; если эти законы постоянно улучшаются, если они все болѣе и болѣе покровительствуютъ общественнымъ наклонностямъ человѣка, если они обезпечиваютъ его священныя права, т. е. свободу, равенство и безопасность, — то, разумѣется, гражданинъ ни за что не измѣнитъ этихъ законовъ».

Мы старались, сколько могли, доказать и сдѣлать ясными и для всѣхъ обязательными эти великія истины; ихъ трудно провести въ жизнь, сдѣлать привычкой и гражданъ, и правительства. Но трудности останавливаютъ только или неспособнаго, или равнодушнаго; для человѣка, хотящаго жить разумно, свободно и счастливо, — трудъ, который приходится употребить для достиженія личнаго и общественнаго блага, превращается въ любимую и сознательную работу, стоющую того, чтобы посвятить ей всю жизнь.

Эти великія истины трудны только въ примѣненіи, такъ какъ сами по себѣ онѣ почти очевидны. Кто, кромѣ врага народа, осмѣлится утверждать, что права на свободу и счастье не нужны или излишни?

Только деспотъ, требующій рабскаго служенія,

можетъ посягать на эти права или отрицать равенство людей. — Свободный народъ борется съ деспотами и, стремясь создать и охранить неприкосновенныя и священныя права человѣческой личности, онъ создаетъ страну, гдѣ эти права становятся закономъ обязательнымъ для всѣхъ и каждаго.

Такая страна становится отечествомъ, защищать и любить которое для гражданина такъ же естественно и необходимо, какъ для матери естествена и необходима охрана и любовь къ ея ребенку.

Оглавленіе.